

Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов

ПЕРВЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ В ИСТОРИИ: ПРЕДКИ ТОХАР В ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Во время доклада одного из авторов настоящей статьи по проблеме переднеазиатской прародины индоевропейцев и миграции отдельных индоевропейских племен из этого ареала на более поздние территории их расселения, прочитанного в Калифорнийском университете (Беркли) в ноябре 1986 г., ему была передана как бы в подтверждение излагаемого в докладе тезиса остававшаяся нам до того неизвестной посмертная статья замечательного английского ученого-ираниста В. Б. Хеннинга «Первые индоевропейцы в истории». Статья опубликована в 1978 г. в малодоступном и специфическом по тематике сборнике «Общество и история», посвященном К. А. Витфогелю¹, и излагает содержание доклада, прочитанного Хеннингом еще в 1962 г. в «Collegium Orientologicum» Университета Беркли.

Работа Хеннинга содержит совершенно оригинальную и неожиданную для того времени идею в духе характерных для этого замечательного ученого прозрений, касающихся широкой сферы культурно-исторических проблем².

Хеннинг исходит из следующих общих историко-типологических соображений: судя по первым историческим свидетельствам китайских источников (начиная с I в. н. э.) о тохарах, локализуемых в Центральной Азии, и самым поздним письменным текстам на тохарских языках, относящимся ко второй половине I тыс. до н. э., следует предположить большой путь, проделанный этим народом, мигрировавшим с первоначальной территории и сумевшим на протяжении нескольких тысячелетий сохранить свою самобытность и свой язык. А это в свою очередь заставляет думать о важности и исторической значимости этого народа в более глубокой древности в период до их миграций на новые территории. Следовательно, можно допустить вслед за Хеннингом, что в свое время «протохотары образовы-

¹ *Henning W. B. The first Indo-Europeans in history // Society and history. Essays in honour of K. A. Wittfogel. Ed. A. L. Ulmen. The Hague, Paris, New York, 1978. P. 215—230.*

² Этот доклад Хеннинга и после его опубликования в 1978 г. в указанном сборнике по существу оставался неизвестным широким кругам ученых до самого последнего времени. Даже после появления специальной статьи И. Гершевича о Хеннинге, напечатанной в 1981 г. в «Трудах Британской Академии» (*Gershevitch I. Walter Brunc Henning 1908—1967 // Proceedings of the British Academy. 1979. V. LXV. L., 1981. P. 697—718*), эти идеи Хеннинга оставались по существу вне поля зрения исследователей. Интересно, что Гершевич тоже считает эту идею Хеннинга, с изложения которой начинается вся его статья-некролог Хеннингу, одним из блестящих его прозрений (см. *ibid.* P. 698).

вали обширный и многочисленный народ, разделенный на ряд племен, которые говорили на различавшихся между собой диалектах»³.

Если этот народ, т. е. «протохары», представлял собой значительную и исторически важную популяцию, появившуюся в древности на поприще истории, то он должен был фигурировать наряду с другими древними индоевропейскими племенами (такими, как хетто-лувийцы и митаннийские арийцы) на Ближнем Востоке и это должно было бы, по всей вероятности, отразиться в письменных памятниках древнего Востока.

После высказывания предположений о численности и месте появления «протохар» Хеннинг обращается к установлению возможного времени их появления в ближневосточном регионе. Принимая тезис Бенвениста об архаичности тохарского языка⁴ (в терминах праиндоевропейской ареальной диалектологии), автор делает из этого вывод, что тохарский должен был появиться в поле зрения письменной истории раньше, чем более поздние по диалектному типу индоевропейские языки, такие, например, как индоиранские диалекты. Как известно, один из представителей индоиранских диалектов — митаннийский арийский — появляется в письменно фиксированном виде на Ближнем Востоке к середине II тыс. до н. э. «Протохар», следовательно, нужно искать в этом регионе в еще более ранний период.

По этой именно логике Хеннинг приходит к совершенно неожиданной и поразительной мысли об отождествлении хорошо известных из клинописных источников гутиев (чья этнолингвистическая принадлежность была неясна) с протохарами. В этом случае, по Хеннингу, ближайшими родственниками гутиев-«протохар» должны были быть хетто-лувийские племена, что соответствует локализации гутиев по течению Нижнего Заба, а хетто-лувийцев — в Малой Азии.

Вместе с тем Хеннинг особо подчеркивает, придавая этому моменту существенное значение, связь гутиев с племенами, обозначаемыми в клинописных источниках, в частности у Хаммурапи, как Tukriš. Предполагается, что народ или племена, именуемые Tukriš, располагались в непосредственной близости с гутиями и граничили с ними на юге или юго-востоке. В надписи Хаммурапи упомянуты среди пограничных народов, чьи «холмы далеки и языки странны (egru)», Элам (название реконструируется), Субарту (связываемое с хурритами), Gutium и Tukriš⁵. Гутии вместе с царем Tukriš по имени Kiklipatalli упомянуты также в повествовании из Бозагкёя о доисторическом царе Элама (Autaluma, ср. хуррит. ^mA-u-ta-lu-ma-an ip-gi e-we-ir-ne ^{URU}E-la-mi-ne-e-we «Ауталума, царь, царь эламский»), вероятно, в мифологическом преломлении⁶. Конечно

³ Henning. Op. cit. P. 216.

⁴ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. Сб. ст. под ред. В. В. Иванова. М., 1959. С. 105.

⁵ Ungnad A. Subartu. В.— Lpz, 1936; Gelb I. J. Hurrians and Subarians (Studies in Ancient Oriental Civilization. 22). Chicago, 1944. P. 41; Gadd C. J., Legrain L., Smith S. Royal inscriptions. Ur Excavations. Texts. 1. L., 1958. № 146; в этой шумеро-аккадской билингве речь идет о непонятности языков нескольких удаленных горных стран; ср. III 4—7 = IV 4—7: шум. kur-bi bad-du eme-bi gilim-ma = аккад. ša šadūšunu nesū lišānšunu egru. См. Landsberger B. // Orientalistische Literaturzeitung. 1931. Jg 34. S. 136; Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1976. S. 190, 782.

⁶ См. теперь наряду с Унгнадом (Op. cit. S. 18) и Шпейзером (Speiser E. // Journal of the American Oriental Society. 1948. P. 12, 10a) также об отражении в древнехурритской традиции реальных событий III тыс. до н. э.: Kammenhuber A. Historisch-geographische Nachrichten aus der althurrischen Überlieferung, dem Altalamischen und den Inschriften der Könige von Akkad für die Zeit vor dem Einfall der Gutäer (ca.

-š в этнониме Tukri-š Хеннинг считает падежным окончанием местного языка, выделяя тем самым основу tukri-. По свидетельству упомянутых источников гутии и Tukri- помещаются в это время на территории Западного Ирана. Автор статьи полагает, что оттуда «прототохары» и переселились позднее в районы Центральной Азии, что и объясняет, по Хеннингу, удивительное сходство археологических культур доисторического Ирана и древнего Китая. В этой связи затрагивается вопрос о китайском этнониме юэ-чжи, обычно соотносимом с историческими тохарами; Хеннинг считает этот этноним этимологически связанным с этнонимом Guti. Рассуждения Хеннинга о прототохарах на Ближнем Востоке завершаются отождествлением пары рассмотренных этнонимов guti и tukri с исторически известными названиями тохарских племен и языков, соответственно kuśi (обозначение тохар в собственно тохарских текстах) и toḡar в индийских, персидских, согдийских, греческих источниках, а также tuḡri- в древне-туркских текстах. Тем самым автор показывает связь между древнейшими названиями предполагаемых близкородственных «прототохарских» племен Guti и Tukri, засвидетельствованными в клинописных источниках III—II тыс. до н. э., и историческими названиями тохарских племен и их языков, соответственно kuśi и toḡar/tuḡri, известными по письменным памятникам I тыс. н. э.; к этому же времени относятся и сохранившиеся тохарские тексты. Касаясь вопроса о языке Guti и Tukri, Хеннинг указывает на некоторые индоевропейские элементы в словах и собственных именах, приписываемых этим народам, которые он сравнивает с элементами древнейшей структуры тохарского языка: в частности, -š в именах типа tukri-š сопоставляется с индоевропейским окончанием именительного падежа *-s, гутийские имена собственные на -ab типа Sarlag-ab, Lasirab и другие — с тохарскими формами родительного падежа на -ar и т. д.

При принятии отождествления этнонимов Guti и Tukri соответственно с kuśi и toḡar- — засвидетельствованными в источниках названиями тохарских племен и их языков — можно предположить, что «прототохары» обитали на Ближнем Востоке уже в III тыс. до н. э., откуда они мигрировали в исторические места расселения (очевидно, через Среднюю Азию). Данный тезис играет существенную роль в обосновании гипотезы о переднеазиатской прародине индоевропейцев. Этим и определяется необходимость привлечения дополнительных аргументов в пользу отождествления приведенных выше пар названий и определения тем самым древнейших предков тохар-индоевропейцев, сыгравших существенную роль в ранней истории Ближнего Востока. Эта роль прежде всего отражается в исторических судьбах народа, известного под именем «гутиев».

«Гутиями» назывался народ, упоминаемый в клинописных источниках позднесаргонидского периода; позднее то же наименование обозначало гористую местность к северо-востоку от нижнего течения Тигра. Сохранившиеся написания этого имени показывают ряд вариантных форм. В староаккадский период засвидетельствованы графические варианты gu-ti-um/im, ku-ti-im, gu-ti-ù, в старовавилонский — gu-tu-um, ku-tu-um. Варьирование звонкого и глухого согласного в начале слова (gu- наряду с ku-) отражает обычное для староаккадской письменности чередование звуков для звонкого и глухого смычного при передаче начального g-

2200/2136) // *Wirtschaft und Gesellschaft im alten Vorderasien*. Hrsg. von J. Harmatta und G. Komoróczy. Budapest, 1976. S. 157—247; *eadem*. *Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern* (Texte der Hethiter. Hrsg. von A. Kammenhuber. Ht 7). Heidelberg, 1976. S. 89.

или k-⁷. Следовательно, согласно этим написаниям слово могло читаться как Gutium, Guti-, так и Kutium, Kuti- (-um — несомненно, староаккадское оформление чужого этнонима). Однако поздние написания с глухим эмфатическим q- типа qu-te-u, qu-ti-i, qu-tu-u (новассирийский и нововавилонский периоды) дают основание для транскрибирования этого названия как Kuti, а не Guti.

Роль «гутиев»/кутиев в государственной жизни Месопотамии давно является предметом изучения⁸. Первые сведения о них в клинописных источниках относятся еще к досаргоновскому периоду. В поздних старовавилонских копиях надписи Лугальяннемунду упомянута дань, получаемая от далеких стран, среди которых назван Gutium, помещаемый между Субарту на севере и Мархаши и Эламом на юге⁹.

В так называемой «кутийской легенде Нарам-Сина» и примыкающих к ней текстах кутии рассматриваются как орудия божественной кары, ниспосланной на Нарам-Сина Мардуком и Энлилем. Кутии описывались в них как варвары, дикие горцы, живущие вне закона.

Свидетельства о первых столкновениях с «кутиями» относятся ко времени Шаркалишарри (Šarkališarri, сын и преемник Нарам-сина, правил ок. 2230—?), когда в плен был взят царь кутиев по имени Šar-la-ag или Aš-šar-la-ag. Примерно к тому же времени относятся упоминания о первых набегах кутиев, которые мешали установленному ритму сельскохозяйственных работ, уничтожая пастбища и посевные поля. Считается также, что еще при царствовании Шаркалишарри кутиями был разрушен храм Нарам-сина, восстановленный Урнамму столетие спустя. Археологические свидетельства таких разрушений относятся в основном к северным областям Месопотамии, которые и подвергались набегам кутиев. Они и привели в конечном счете после смерти Шаркалишарри к падению империи Саргонидов и утверждению в Месопотамии так называемой «кутийской династии».

Время правления этой династии по шумерскому списку царей определяется либо в 125 (вариант — 124) лет и 40 дней, либо в 99 лет (или 91 год и 40 дней); есть и другие варианты абсолютной и относительной хронологии правления в Месопотамии «кутийской» династии¹⁰. Тексты, относящиеся к кутийскому периоду и отражающие хозяйственные отношения в Месопотамии этого времени («кутийской эры»), указывают на оживленную и многообразную экономическую деятельность, включающую производство и обмен такими товарами, как злаки, масла, древесина, одежда и медь, начало добывания и применения серебра в функции единицы обмена.

Согласно историческо-мифологической традиции, кутийское господство в Месопотамии завершилось, как и началось, божественным воздаянием. Последним царем кутийской династии считается Те-ри-ка-ан¹¹.

⁷ Ср. *Gelb I. J. Old Akkadian writing and grammar. Materials for the Assyrian Dictionary*. II(2). Chicago, 1961.

⁸ Ср. общий исторический обзор о кутиях и стране Kuti с детальной библиографией в статье: *Hallo W. Gutium (Qutium) // Reallexikon der Assyriologie and Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 3. B., N. Y., 1957—1971. S. 708—720.

⁹ *Güterbock H. G. Die historische Tradition bei Babyloniern und Hethitern // Zeitschrift für Assyriologie*. 1934. Bd. 42. S. 40—47.

¹⁰ *Hallo*. Op. cit. S. 713.

¹¹ Историческая реальность царя Терикана подтверждается обнаруженным недавно дубликатом шумерского текста, описывающего поражение этого царя и взятие его в плен царем Урукка: *Kramer S. N. Sumer edebī tablet ve parçaları // 2. Türk Tarih Kurumu Yayınları*. VI. dizi, Sa. 13^a, Ankara, Türk Tarih Kurumu Basimevi. 1976. Из

В старовавилонский период (начало II тыс. до н. э.) упоминания о куттиях относятся к более северным областям Месопотамии. Надписи, начиная с Хаммурапи, сообщают о коалициях куттиев с другими чужеземцами и, по-видимому, рассматривают их не как жителей вавилонского царства, а как его северо-западных соседей с особым языком, отличным от шумерского и аккадского — языков основного населения Месопотамии¹² (кутии не упоминаются в прологе к кодексу Хаммурапи).

В некоторых еще не изданных старовавилонских астрологических текстах кутии (Guti) называются рядом с Субарту, Аккадом, Амурру, Эламом, Уруком¹³.

В I тыс. до н. э. встречаются упоминания о «кутиях» и «стране куттиев» в клинописных текстах новоассирийского и нововавилонского периодов, но все эти упоминания относятся к традиционным формулам, обозначающим географические понятия, а не конкретные этнические или политические реалии того времени. Иначе говоря, куттии в это время связывались скорее со сферой легенд и воспоминаний, чем с конкретным народом или политическим объединением. Очевидно, что куттии как определенная этническая общность с особым языком, отличным от шумерского и аккадского — языков основного населения Месопотамии, в это время уже не существовали (вероятно, уже с конца II тыс. до н. э. — после старовавилонского периода или ранее).

Конкретные данные о куттийском языке могут быть получены на основании анализа отдельных личных имен куттийских царей, упоминаемых в клинописных источниках. Анализ этих имен позволяет выделить характерные окончания, отражающие, очевидно, определенные морфологические элементы. По этому признаку можно выделить несколько групп имен.

Имена, оканчивающиеся на элемент -lag-: Šar-la-ag, Aš-šar-la-ag. За таким «окончанием» -lag- в некоторых формах следуют элементы -aš, -š, -eš, -ab или -an; Ia-ar-la-ga-aš, Inimabak-eš: In-gi₁-šu-uš, I-ge₁-eš-a-uš, Ia-ar-la-gab, Ia-ar-la-ga-ba, Ia-ar-la-ga-an.

Формы на -an иногда бывают осложнены элементом -da// -de, ср. [ja?]ar-la-ga-an-da, [ja-ar-la-?g]a-an-de.

Уже Хеннингом были даны анализ и грамматическая квалификация этих элементов как падежных окончаний, объясняемых с точки зрения индоевропейской структуры и, в частности, «прототохарской», в которой реконструируется отчасти аналогичная падежная система. Ср. по Хеннингу:

	Куттийский	Тохарский А
Основа	Šarlag	klyom 'благородный'
Именительный падеж с окончанием	Iarlag-aš	*-s
Основа с окончанием -n(d)	Iarlag-an(d)	klyomānt
Родительный падеж с окончанием -ab/-ap	Iarlag-ab	klyomānt-ap

более ранних работ ср. *Sauren H.* Der Feldzug Utuhengals von Uruk gegen Tirigan und das Siedlungsgebiet der Gutäer // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. 1967. V. 61. P. 75—79.

¹² Характерно определение языка куттиев в вавилонских текстах как «смешанного» (confused); см. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. 1956. E. P. 42 b. Характерно, что существовал особый переводчик с куттийского в эпоху Саргонидов: *Gelb I. E.* The word for dragoman in the Ancient Near East // *Glossa*. 1968. V. 2. № 1. P. 95.

¹³ *Biggs R.* The Babylonian prophecies and the astrological traditions of Mesopotamia // *JCS*. 1985. V. 37. № 1. P. 88.

Индоевропейское окончание *-s, выделяемое Хенningом в приведенных словах кутийского языка, отсутствует в историческом тохарском, очевидно, ввиду засвидетельствованного в тохарском, как и во многих других индоевропейских языках, отпадения показателя именительного падежа единственного числа *-s в формах существительных¹⁴.

Окончание -ab в кутийских именах сопоставляется с окончанием родительного падежа -ar, восходящего к адвербиальному индоевропейскому форманту *-bhi¹⁵.

Особый интерес вызывают кутийские формы на -n(d)-, сопоставимые с тохарскими древними основами на -n(t)-, от которых образованы формы вторичных и косвенных падежей. Суффикс этих древних основ восходит к хорошо известному индоевропейскому деривационному суффиксу -nt¹⁶. Сама последовательность -lag-an(d) в сложной форме [x-la-gla-an-dé] чередуется в некоторых вариантах того же текста с шумерским LUGAL¹⁷ и передает, следовательно, значение 'царь'.

Форму -lagant- 'царь' (которой в подавляющем числе примеров предшествует -r-: iarlagent-, šarlagent- и т. д.) можно было бы, допуская переход и.-е. *r- > раннее тох. l- (возможно, как и в других диалектах, в специфических позициях сандхи внутри слова¹⁸) и другие фонетические изменения в раннетохарском, сопоставить с индоевропейской основой *rek'-rok'- 'править, управлять, царь', осложненной суффиксом -nt- (лат. rēx 'царь', др.-ирл. rí, род. пад. ríg 'царь', ср.-ирл. ríge 'царство', др.-инд. rājan 'царь, правитель'¹⁹; показательно наличие основы в «за-

¹⁴ Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1960. S. 35 ff.

¹⁵ Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indo-europäischen Sprachverglei-chung // Det Kgl. Danske Vidensk. Selskab. Hist.-fil. Medd. Bd. 30. № 2. København, 1941. S. 52. § 22; Иванов Вяч. Вс. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков // Тохарские языки. М., 1959. С. 26—27. Ср. также Shields K. Evidence of I.-E. *-bhi in Tocharian // Folia linguistica. V. II. 1977. P. 281—286. Редукция конечного -i окончания род. пад. -pi < *b^{hi}; отчетливо реконструируется внутри самого тохарского при сравнении окончания тох. A род. пад. существительных муж. рода на -Vp, совпадающего с ним в том же языке окончания этого падежа прилагательных, и передузированной формы того же падежа -pi у прилагательных в тохарском B. Этот процесс соответствует вскрытой сравнительно-исторической грамматикой тохарских языков закономерности, согласно которой в обоих языках конечное -i исчезает в многосложных словоформах, но может сохраниться в частице (в том числе -pi < *pi, др.-инд. āpi «также» и т. п.); см. Windekens A. J. van. Le tocharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. I. Louvain, 1976. P. 128—131. Следовательно, судя по фонетическим особенностям развития тохарского род. пад. на -pi, в тохарском B в формах прилагательных морфема -pi достаточно долго воспринималась как частица. Что же касается формы род. пад. на -Vp существительных муж. рода, сохранившихся только в тохарском A, в них изменение конца слова должно было произойти очень рано, если правильно предположение Хенningом сопоставление с кутийским -ar. Альтернативным объяснением было бы допущение раннего варианта этого окончания, где по морфологическим причинам -i могло отсутствовать (ср. окончание комитатива -tra в тохарском B).

¹⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I.—II. Тбилиси, 1984. Т. I. С. 302—304.

¹⁷ Hallo. Op. cit. S. 711 (предполагается, что это — не кутийское собственное имя, а кутийский царский титул).

¹⁸ Ср. Benveniste E. Repartition des consonnes et phonologie du mot // Etudes phonologiques dédiées à la mémoire de prince N. S. Trubetzkoy. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 8. Prague, 1939. P. 27—35, особенно p. 33.

¹⁹ Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. II. С. 751; Dubuisson D. Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions // Annales. Economie. Sociétés. Civilisations. 33 an-née. 1978. № 1. P. 21—34; ср. Sihler A. The etymology of PIE *rēg 'king'; etc. // JIES. 1977. V. V. № 3. P. 221—246.

падноевропейских» языках, часто имеющих общие лексические изоглоссы с тохарским). Предлагаемая этимология позволила бы сравнить не только типологически, но и генетически кутийские имена со вторым элементом $-(r)lag-$ (A)šar-lag-, Ia(r)-lag- и т. п. и древний индоевропейский тип имен лиц высшего (царского) ранга со вторым элементом $-*rēk' >$ галл. -rix (Dumno-rix, Orgeto-rix, Toutio-rix и т. п.), др.-ирл. rí (Ruad-rí < 'Красный царь' ²⁰), огам. -rig- (в Clutarligas] = др.-ирл. cloth-rí, род. п. clothrig 'царь славы', др.-валл. Clotri < *Klūto-rīks, др.-в.-нем. Hlud-rīch; огам. Cynorig = др.-ирл. Conri, род. п. Conrach, др.-валл. Cynur < *Kunorig 'волку подобный царь'; огам. Veqrīq < *Wekwo-rīgas = др.-ирл. Fiachrae, род. пад. Fíachrach ²¹ и т. п.), ср. др.-герм. (из кельт.?) -rik- (ост.-гот. Rude-ric: гот. broþs 'славный', Gebe-ric, вандальск. Geise-ric ²², Hildi-rix, зап.-герм. Erman-rīks и т. п., др.-в.-нем. -rīch, например Dietrich < др.-герм. Theudo-rik: галл. Toutio-rix); др.-инд. rāj ²³ (ср. Dharma-rāj- 'царь дхармы — закона' ²⁴, прозвище бога Ямы; Naga-rāj- 'царь нагов' и другие подобные архаические имена).

При предложенной интерпретации элемента $-(r)lag-$ в кутийских именах можно предположить развитие $*-r- > -(r)l-$ в кутийском. В этой связи можно также поставить вопрос о соотношении кутийской формы $-(r)lagant-$ с позднейшей формой основы косвенных падежей $lant-$ 'царь' в тохарских диалектах (если последнюю не выводить, как это обычно делается, из формы $*wlānt-$, ср. форму им. пад. тох. A wāl 'царь', B walo ²⁵); тогда можно было бы видеть в долгом ā след удлинения или компенсаторного удлинения гласного при утере интервокального велярного согласного. Любопытно, что и элемент Ia- (с последующим $-r-$ или без него), сочетающийся с $-lakant-$, находит соответствие в ономастике, позднее связываемой с древними тохарами.

Сам этноним Kutī в свете предположения о кутийско-тохарских этнических и языковых связях легко увязывается с поздним самоназванием тохар и топонимом Kuśī, санскр. Kuśī 'Куча', тох. B род. пад. k₀śiīn, MQ 7aI. Здесь отмечаются обычная для тохарского палатализация $t' > > č$ ²⁶ и дальнейшее диалектное развитие $č > š$ ²⁷, отраженное как в прилагательном тох. B k₀śiīne (S 361 Mb6, 418 Ma2), так, по-видимому, и в самоназвании языка kusañne 'кучанский' ²⁸; эти формы засвидетельство-

²⁰ См. Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986. С. 94.

²¹ Ср. Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984. С. 130, 140 сл., 197 (ср. также с. 120, 162, 185).

²² Ср. об этих и других именах на -ric-: Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964. С. 46. 94—99, 109.

²³ Boleli T., Campanile E. Sur la préhistoire des noms gaulois en -rix // Etudes celtiques. 1972, V. 13. P. 123—140.

²⁴ К истолкованию ср. Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 44; Dumézil G. Mythe et Épopée. L'idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens. P., 1968. P. 67.

²⁵ Windenens van. Le tokharien confronté... V.I. P. 554.

²⁶ Эванджелисти Э. Индоевропейские зубные согласные и тохарские палатализации // Тохарские языки. М., 1959. С. 109—118; ср., однако, Winter W. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen // IF. 1962. Bd 67. Ht 1. S. 16—35. Ср. также Anreiter P. P. Bemerkungen zu den Reflexen indogermanischer Dentale im Tocharischen. Innsbruck, 1984.

²⁷ Schmidt K. T. Bemerkungen zur westtocharischen Umgangssprache // o-o-pe-rosi. Festschrift für E. Risch zum 75 Geburtstag. Hrsg. von A. Etter. 1986. S. 640.

²⁸ Воробьев-Десятовский В. С. Памятники центрально-азпатакской письменности // Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. 1958. Т. XVI. С. 305—309; Иванов Вяч. Вс. К определению названия «тохарского В» языка // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 188 сл.; Bailey H. W. Tokharika // JRAS. 1970. № 2. P. 124 f.: Tho-

ваны с соответствующими фонетическими преобразованиями во многих иноязычных традициях: др.-тюркск. *küsān* (*küšān*) (у Махмуда Кашгарского), др.-уйгур. *kwuṣ*, санскр. *kuṣi*, кит. *k'ü-ṣi*²⁹ и др.

Другое название среднеазиатских и центральноазиатских тохар и одного из их языков, засвидетельствованное в многочисленных письменных памятниках I тыс. н. э.: греч. *Τόχαροι*, санскр. *Tukhara*, *tokharika*, кит. *Tuholo*, др.-тюрк. *toḡrı*, тиб. *Thogar*³⁰, — поразительным образом

mas V. Zu Skt. tokharika und seiner Entsprechung im Tocharischen // KZ. 1981. Bd 95. S. 126—133; Winter W. Zur tocharischen Entsprechung von skt. tokharika // KZ. 1984. Bd. 97. S. 133. Винтер в ряде своих работ, подытоженных в этой публикации, отрицает связь названия города Кучи с этим прилагательным, однако с фонетической стороны его сомнения едва ли оправданы.

²⁹ *Воробьев-Десятовский. Ук. соч. С. 306 сл.; Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981; Hamilton J. Manuscripts ouïgours du IX—X siècle. T. 1. P., 1986. P. 34; ср. Pelliot P. Tokharien et koutchéen // JA. 1934. T. 224. № 1. P. 57—62; Winter W. Tocharians and Turks // UAS. 1963. V. 23. P. 239 f.*

³⁰ См. приведенную выше литературу, а также: *Перух Ю. Н. Память о тохарах в Тибете // Памяти Е. Э. Бертельса. М., 1964.* Для отождествления др.-тюрк. *toḡrı* с тохарским *A* или *B* важен тюркский колофон перевода буддийского санскритского текста, где говорится, что его *waybaziki śāstantri kryi drri Saṃādas Ugu-Kūšan tilintin, Toḡri tilinča āwirmis Toḡrı tilintin Silazin praštinki yanırti Türkča āwirmis (Gabain A. V., Müller F. W. Uigurica. IV // Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss. 1931. S. 678; Gabain A. Alttürkische Grammatik. Lpz, 1954) — «Представитель (буддийской секты) вайбхашика (санскр. vaibhāṣika, ср. хогано-сак. vi-bhāṣo), знаток Шастр и Тантр (санскр. śāstratantrin), знаток крия (санскр. kriyadhara) Сангхадаса (санскр. Saṅghadāsa) с угу-кучанского языка на тохарский язык переложил. (а) с тохарского языка Шиласена (санскр. Ś. lasena), глава (санскр. graṣṭika), снова на тюркский переложил». По-видимому, имеется в виду перевод сперва с одного из двух тохарских языков (на который, очевидно, когда-то раньше текст был переведен с санскрита) на другой тохарский, а затем с этого последнего на тюркский. В тех случаях, где по самим текстам удается проследить последовательность работы над текстом, ее можно представить следующим образом: 1) санскритский оригинал, — 2) перевод с санскрита на тохарский *A* или тохарский *B* [подавляющее большинство дошедших до нас тохарских *A* текстов и многие тексты на тохарском *B* представляют собой переводы с санскрита; в некоторых случаях до нас дошли и санскритский текст, и тохарский перевод, как во фрагментах *A* 243—250, представляющих собой часть санскритского прославления Будды (буддхастотры) Матричеты в сопровождении перевода (*Schmidt K. T. Zu einer metrischen Übersetzung von Maitreyaś Buddhaśtotra Varṇahavarna in osttocharischer Sprache // ZDMG. Suppl. IV. 1980. S. 341—343; idem. Zum Verhältnis von Sanskritvorlage und tocharischer Übersetzung untersucht am Beispiel osttocharischer Stotratexte // Sprachen des Buddhismus in Zentralasien. Hrsg. von K. Rührborn und W. Veenker. Wiesbaden, 1983. S. 124—131), так же и во фрагменте *A* 392, дающем тохарские *A* переводы к буддийским философским санскритским глоссам] — 3) перевод с тохарского *A* на тохарский *B* (а с тохарского *B* часто на древнетюркский): фрагмент *A* 394, являющийся тохарской *A* версией санскритского рассказа о сыне царя Махендрадевы, содержит подписанные мелким шрифтом под многими словами и формами тохарского *A* переводы на тохарский *B* и несколько древнетюркских помет-переводов; пометки на тохарском *B* (о том, что это — первая страница рукописи) есть на начальных листах текстов *A* 372 и *A* 251 — одной из копий тохарского *A* текста «Maitreyasamitinātaka», который потом был переведен (четвертый этап перевода) на древнетюркский. Перевод с тохарского *A* на тохарский *B* очевиден для *Aḡanemi-Jātaka*, где частично совпадают начальные части — разговор богов при различии в их именах в *A* 344 и *B* 77 и особенно *A* 342 и *B* 79, как обнаружил Зиг, переведший все три фрагмента с тохарского *A* (*Sieg E. Übersetzungen aus dem Tocharischen. II // Aus dem Nachlass hrsg. von W. Thomas. Abhandl. d. Deutschen Akad. d. Wiss. Kl. für Sprachen, Literatur und Kunst. 1951. № 1. B., 1952. S. 34, 36*), ср. почти дословные совпадения *A* 342 в 2 — нумерация строк исправлена по Зигу (*ibid.* S. 36): *päslye mänt wātkassñi śñi kāsīm ureyās tsaknātsi* 'как вы мне говорите выслать из страны (моего) собственного учителя?' и *B* 79 *4 makte tem wātkascerñ kāsīm уроузе (m)* (различается только грамматическое оформление: отлож. пад. на -āṣ в тох. *A* *erey-āṣ* 'из страны', на -tem в тох. *B* *уроу-tem* и т. п.); аналогичные совпадения можно обнаружить и сравнивая тексты тохарского *A* и *B* переводов санскритской «Garbhā (vakrānti) sūtra», излагавшей буддийское учение о стадиях развития эмбрио-**

продолжает также древневосточное название народа Tukri-š, локализуемого во II тыс. до н. э. по соседству с кутиями, в названии которых также выделяется суффикс именительного падежа (множественного числа) -š (ср. выше о прототохарском -š по Хеннингу). Этноним Tukri- можно транскрибировать как tokri- с учетом единственно возможной передачи гласного о при помощи знаков для и. Допустив более позднюю аспирацию с последующей спрантизацией последовательности -kr- > -khr- > -xk- (ср. развитие начального *kr- в иранском), мы получаем практически полное совпадение древневосточного и последующих центральноазиатских названий определенных тохарских племен. Характерно также царское имя, относящееся к tukri- — Kiklipatalli (ср. в «старохурритском», по Камменхубер, тексте из Богазкёя — KUB XXVII 38 IV 14—15: ^mKi-ik-li-pa-ta-al-li-in ^{URU}Du-uk-ri-iš-hi ewer-ne am-ma-at-ti 'Киклипаталли, царь, относящийся к Тукри, предок'³¹), содержащее азиатский суффикс -talli- (ср. имена типа Муца-talli-) из индоевропейского *-tel-³².

на в чреве матери (A 146, 148, 151, 166—168, 179, 203—204, ср. упоминание заглавия сутры во фрагменте A 195 Rs. I; [ga] rbhāvakrātisutāryu; B 603). Как было установлено еще Зигом и Зиглингом, сутра входила в качестве составной части в тохарский A текст «Майтрейсамити», переведенной и на древнетюркский. Ср. в тох. A 151 а 3—5 wiki [wepiñci] nās spāt komsam ayāntwam māssunt tamnāstr-am wiki [tāryapiñcinās spāt kom] sam puskaiñ tamāmsamstr-am wiki [štwarpiñcinās] spāt komsam šwāl kapsiñ-ñā tamnāstrām = B 603a 1—4... [i] kañcem wacem [šuk] (k) kaune mrestīwe kektsenne tā(nmastār-ne)... ikañcem (tr) [ijcem sukaunne šnaura kaktsenne... [tān maske] ntārne ika(ñce)[m] štarcem sukaunne misa kentse(ntsā) (tānma)skentārne «На двадцать второе семидневье отметина на костях на его (эмбриона) теле вырастет... На двадцать третье семидневье сохужилия на его теле вырастут. На двадцать четвертое семидневье мясо на его теле вырастет». Текст входит в «Майтрейя-Самити-натака», судя по колофону, переведенную с toxḡi (тохарского A?) на древнетюркский.

Рассмотрение всех этих и других им подобных текстов, переведенных с санскрита на тохарские языки, а с этих последних на древнетюркский, согласуется с общим выводом, согласно которому тохарские языки (раньше всего тохарский A, но даже вплоть до X в. — и тохарский B; ср. *Gabain A. von, Winter W. Türkische Turfantexte IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch» B mit alttürkischer Übersetzung.* В., 1958) были в Куче, Карашаре и окрестных оазисах основными священными языками буддийской проповеди. Судя по встречающимся в хотано-сакских рукописях тохарским обозначениям мервов (см. *Winter W. A. Linguistic classification of «Tocharian» B texts // Winter W. Studia tocharica. Poznań, 1984*) и другим тохарским глоссам (*Thomas W. Tocharische Sprachreste. Sprache B. T. 1 // Abhandl. der. Akad. Wiss. in Göttingen. Philol.-hist. Kl. 3 F. № 3. Göttingen, 1983*), часть этих рукописей тоже могла быть составлена при учете тохарских версий или как перевод (переложение) с тохарского. Во всяком случае, в оазисах Восточного Туркестана не обнаружено до сих пор ни одного текста на каком-либо из иранских языков, с которого был бы сделан тохарский перевод. Поэтому лишено оснований утвердившееся в литературе (особенно праиндистической) 30—40-х годов предположение о том, что под toxḡi в упомянутом тюркском колофоне имеется в виду какой-то из иранских языков. Более того, и на территории Средней Азии, в частности в Тохаристане, до сих пор не обнаружено текстов ни на одном из иранских языков, который бы в самих текстах назывался тохарским. Постепенно поэтому и иранисты отказались от неточного использования слова «тохарский» применительно к таким языкам, как бактрийский, что было распространено до провалившегося вперед изучения бактрийского.

³¹ Ср. к переводу: *Kammenhuber. Orakelpraxis... S. 89.*

³² Основа kikli(a)-, остающаяся после выделения суффикса -talli-, совпадает с основой kikli(a)-, выделяемой, согласно Ларошу, в хетто-лувийской адъективной основе «железный (?)», засвидетельствованной в таких формах, как kikli(a)šariš-ma-aš, в билингве из Угарита, соответствующей аккад. un-qi parzilli (Ugaritica 5. 313. 22) «она — железное кольцо»; ср. *Melchert H. C. Pudenda Nethitica // JCS. 1983. V. 35. № 3—4. P. 140.* Сама основа kikli(a) «железный», имеющая в сложной форме kilibassari- значение «железное кольцо», поразительным образом напоминает индоевропейское слово *k^[h]ek^[h]o- со значением «колесо» (*Гамкрелидзе, Иванов. Ук. [соч. Т. II. С. 707, 718]: греч. κύκλος «круг, колесо», др.-инд. сака- «колесо», тох. A kukāl «повозка», тох. B kokale «повозка». Значение «железный», засвидетельствованное в*

Tukri- широко известны начиная со старовавилонского времени как искусные ремесленники, изготовители металлических сосудов и художественных крашенных тканей, распространявшихся в широком ареале. В аккадском известен особый термин *tukrašhu* в значении 'в манере тукри, à la toukri'³³.

Согласно шумерскому гимну о Тильмуне, сохранившемуся в качестве интерполяции в составе поэмы «Энки и Нинхурсаг», страна Тукриш была посредником страны Харали в торговле золотом³⁴: *kurtu-[uk]-ri-iški guškin ha-ra-li na4za-[gin]-[zalág]-ga* 'Да перевезет тебе страна Тукриш золото из Харали, [блестящий] лазурит'³⁵. В свете гипотезы Хеннинга значительный интерес может представить то, что в тохарском сохранено древнее название «золота» (тох. *A wäs*, тох. *B yasa* 'золото'), по происхождению связанное с шум. *guškin* 'золото'. Что же касается торговли лазуритом, высказывалось предположение, что страна Тукриш, расположенная примерно в районе современной дороги из Керманшаха на Хаммадан, могла быть посредником на североиранском пути торговли лазуритом, пересекавшем Загрос³⁶. В пользу этой локализации Тукри говорит сравнение надписи Хаммурапи из Ура, где упоминается рядом Элам, страна кутиев, Субарту и Тукриш³⁷, ассирийского географического «трактата» о размерах царства Шаррукина Аккадского, судя по которому Тукриш находился в Иранских горах севернее Элама в 60 *bēru* (640 км) от центра Двуречья³⁸, надписи Шамши-Адада I, где говорится о дани Тукри и Верхней Страны (*matu elitu*), а также цитированных богазкейских текстов, упоминающих рядом правителей Элама, Луллу и Тукри.

Можно предположить вслед за Хеннингом, что прототохарский язык уже в III—II тыс. до н. э. распадался на два противостоящих друг другу диалекта с особыми названиями, что и отразилось значительно позднее в обозначениях *kušī* и *toʎ(ā)r/toʎr-* в различных письменных традициях Центральной Азии. Отождествление ближневосточных народов кутиев — *Kuti* и *Tokri* III—II тыс. до н. э. с позднейшими тохарами, от которых сохранились памятники на двух тохарских языках, датируемые серединой I тыс. до н. э., прекрасно согласуется с тезисом о диалектальной архаичности тохарского по сравнению со многими другими индоевропейскими диалектами.

Выделение тохарской диалектной общности из праиндоевропейского языка следует отнести к периоду, последовавшему в ареальной истории индоевропейского языка за выделением анатолийского³⁹, что и ограничи-

хетто-лувийском заимствовании, могло возникнуть естественным образом из словосочетания 'железное кольцо', ср. аккад. *unqu parzilli* 'железное кольцо', отсюда для *unqu*, с одной стороны, первичное значение 'кольцо', с другой стороны — '(из) железа, железный' (ср. *Soden von W. Akkadisches Handwörterbuch. Bd. III. Wiesbaden, 1981. S. 1422*).

³³ *Soden von. Op. cit. Bd III. S. 1367; Archives Royales de Mari. V. VII. P. 239 suiv.*

³⁴ См. об этой последней: *Das mythische Goldland Harali im alten Vorderasien // Acta Orientalica Hungarica. 1972. T. 26. S. 113—123.*

³⁵ *Комороци Г. Гимн о торговле Тильмуна (Интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса «Энки и Нинхурсаг») // Древний Восток 2. Ереван, 1976. С. 7—13; там же детальный разбор данных о местонахождении страны Тукриш.*

³⁶ Ср. *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на древнем Востоке // *КСИНА. 1968. 114. С. 3—9.*

³⁷ *Gadd C. J., Legrain L., Smith S. Royal Inscriptions. Ur Excavations. Texts 1. L., 1958. № 146. III—IV.*

³⁸ *Weidner E. Das Reich Sargons von Akkad // AfO. 1983. Bd. 16. S. 1—24.*

³⁹ *Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. I. С. 398 сл.*

вает эпоху обособления тохарского временем не позднее начала III тыс., а может быть и раньше.

Выделение тохарской языковой общности из индоевропейской, следовавшее за выделением анатолийской общности, выводится из наличия общего анатолийско-тохаро-кельто-италийского диалектного ареала, противостоящего арийско-греко-армянскому и германо-балто-славянскому диалектным ареалам⁴⁰. После выделения анатолийского из этого общиндоевропейского диалектного ареала тохаро-итало-кельтская диалектная общность, характеризующаяся наличием ряда изоглосс (генитив ед. ч. на *-i, конъюнктив на *-ā-, *-ē-), распадается на собственно тохарскую и итало-кельтскую диалектные общности с уходом тохарского из первоначального ареала и дальнейшим объединением итало-кельто- (венето-месапской) диалектной общности с другими «древнеевропейскими» диалектами. Уже после выделения тохарского возникают его контакты с анатолийским, приводящие к собственно анатолийско-тохарским лексическим инновациям⁴¹ типа: хет. *kašt-* 'голод': тох. *A kast*, *B kest* 'голод'; хет. *rai-* 'давать', лув. *riia-* 'давать': тох. *B ai-* 'давать', тох. *A e-* (2 л. ед. ч. прош. вр. *p-aš* 'дал'); хет. *eku-*, *aku-* 'пить': тох. *A, B uok-* 'пить'; хет. *uede-* 'строить': тох. *A wāt-*, *wat-* 'ставить, класть'; хет. *iia-*, лув. *aia-* 'делать': тох. *A, B ya-* 'делать'; хет. *tarna-* 'отпускать': тох. *A tärk-*, *tarna-*, *B tärk-* 'отпускать'; хет.-лув. *tarna* 'череп': тох. *B tarne* 'верхушка головы'; лув. *ipali* 'левый': тох. *B šwalyai* 'слева'; *A šalyi* 'левый'; хет. *hurk-i* 'колесо': тох. *A wärk-ant-*, *B yerkw-ant-ai* 'колесо'⁴²; лув. *ar(r)ai* 'долгий, длинный': тох. *A aryu-* 'долгий'; хет. *šarku-* 'выдающийся': тох. *A särk-*, *B särk-* 'превосходить'; хет.-лув. *ur-i-* 'главный, начальник': тох. *B orotste* (*wrotste*) 'великий (о царе)'; хет. *idalu-* 'плохой, злой', лув. *aduāli*: тох. *B yolo* 'плохой, злой' (*-t'wl- > -l-).

Приведенные данные свидетельствуют о контактировании в течение длительного времени «прототохарского» с праанатолийским, выделившимся, как уже отмечалось, из индоевропейской общности еще раньше, судя по данным ареальной индоевропейской диалектологии. В это время, во всяком случае к концу III тыс. до н. э., анатолийцы находились в Ма-

⁴⁰ Ср. там же. С. 398. Ср. также новый обзор диалектных связей тохарского: Adams D. R. The position of Tocharian among the other Indo-European languages // JAOS. 1984. V. 104. P. 399—400.

⁴¹ *Windeken van.* Le tokharien confronté... P. 618; *Poetto M.* Una corrispondenza eteo-tocaria // *Scritti in onore di Giuliano Bonfante.* V. II. Paideia, 1976. P. 717—721; *Cop B.* Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede, Razprave VIII). Ljubljana, 1971.

⁴² Данное хетто-тохарское соответствие имеет дальнейшие параллели, позволяющие считать его переднеазиатским культурным термином. Судя по наличию северокавказских параллелей (отраженных и в древнепереднеазиатских словах типа субстратного названия повозки *huluka-nni-* с вероятным суффиксом хурритского типа в языке документов из староассирийских торговых колоний рубежа III и II тыс. до н. э.), к числу миграционных культурных терминов переднеазиатского ареала (где находился очаг изобретения и распространения колесных повозок) относилось хет. *hurk-i* 'колесо': тох. *A wärk-ant-*; ср. о возможных сопоставлениях: *Николаев С. Л.* Северокавказские заимствования в хеттском и греческом // *Древняя Анатолия.* М., 1985. С. 60—73; *Старостин С. А.* Культурные термины в общесеверокавказском словаре // Там же. С. 85—94; о *hulukannum* ср. *Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963. С. 171; *Ардзинба В. Г.* О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // *Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 171. Если в тохарском действительно отражено переднеазиатское название «колесной повозки», то это служит еще одним веским доводом в пользу излагаемой гипотезы.

лой Азии⁴³, что хронологически совпадает с выделением «протохарского» из общеиндоевропейского. Это должно было произойти именно в областях, географически близких к Малой Азии, где могли иметь место последующие контакты тохарского с анатолийским, которые привели к возникновению отмеченных выше изоглосс. Это лишний раз подтверждает возможность отождествления народов III тыс. до н. э., в частности *kuti* и *tukri*-, с позднейшими тохарами.

Отсюда тохарские племена, видимо, дуально организованные с двумя отличающимися друг от друга, но при этом контактировавшими между собой диалектами, начинают мигрировать, проходя транзитными путями через Среднюю Азию в Центральную Азию, где тохарские языки уже зафиксированы в письменных источниках около V—VIII вв. н. э. Естественно при таком допущении сохранение следов прохождения тохарских племен в промежуточной зоне между областями Ближнего Востока, Западным Ираном, где известны кутии, и Центральной Азией, где они окончательно оседают, т. е. на обширной территории Средней Азии. Хеннинг в этом плане считал важными и археологические свидетельства о связях доисторического Ирана и Китая⁴⁴.

Действительно, имеется немало свидетельств прохождения тохар через Среднюю Азию в виде отдельных косвенных языковых следов и возможных свидетельств в среднеазиатских языковых и исторических источниках.

Присутствие мигрирующих тохар в Средней Азии, выступающей в качестве промежуточного ареала между древней Передней Азией, где история застаёт их на рубеже III и II тыс. до н. э. под именами кутиев и тукриев (как бы дуально организованного этнического единства), и Центральной Азией — Восточным Туркестаном, где они присутствуют в историческую эпоху во второй половине I тыс. н. э., когда создаются многочисленные письменные тексты на двух тохарских диалектах — восточнотохарском и западнотохарском (обозначающихся общим термином «тохарские»)⁴⁵,

⁴³ Для времени, близкого к рубежу III и II тыс., об этом свидетельствуют хеттские и лувийские собственные имена из староассирийских торговых колоний в Малой Азии.

⁴⁴ *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. L., 1941; ср. *Brentjes B.* Stempelsiegel Mit-telasiens // *Archäologie als Geschichtswissenschaft. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte.* Bd. 30. В., 1977. S. 111—129.

⁴⁵ Весьма задолго до того, как были созданы первые письменные памятники тохарских языков, они уже представляли сильно отошедшие друг от друга диалекты. На это указывает и фонетика (различия в ударении и вокализме), и морфология имени (существенное расхождение в системе «вторичных» локальных падежей при общности основной схемы; ср. *Shields K.* The Origin of the Tocharian locative suffixes // *JAOS.* 1982. V. 102. № 1. P. 129—131) и особенно указательных местоимений, весьма важных с точки зрения соотношения с хеттским и другими анатолийскими языками, где соответствующие элементы играют роль вводящих предложение (хет. *šu* 'и', *ša-aš* 'и он', *ša-an* 'и его'); тох. *B su* 'этот', *A sām*; *B sem* [-sen] 'тот', *A sam*, *B se* 'тот далеко', *A sāš*; хет. *ta* 'и', *ta-an* 'и его', тох. *B tu* 'это' (ср. р.), *A tām*; тох. *B tem* 'то', *A tam*; *B te* 'то далекое': *A tās*; как и в анатолийском, в прототохарском эти местоименные формы могут быть разложены на сочетания, где конечные -m, -n, -s играют роль действительных частей с разной степенью удаленности; см. *Pobožniak T.* *Język tocharski* // *Języki indoeuropejskie, pod red. L. Bednarczuka.* Warszawa, 1986. S. 262; система различается не только между тохарским *A* и *B*, но и внутри диалектов тохарского *B*; см. *Stumpf P.* Der Plural des westtocharischen Demonstrativpronomina — zugleich, ein Beitrag zur Dialekt-Gliederung des Westtocharischen // *Orbis.* 1974. T. 23. S. 404—428; *idem.* Westtocharisch se—sem — zwei Paradigmen oder nur eines // *KZ.* 1977. Bd. 90. S. 114—127). Есть достаточно древние различия в аблауте и в функциях глагольных форм: *Adams D. Q.* On the development of the Tocharian verbal system // *JAOS.* 1978. V. 98. № 3. P. 277—288; *idem.* Ablaut und umlaut in the Tocharian vowel system // *JAOS.* 1979. V. 99. P. 446—450. Показательны различия в обиходном словаре: тох. *A lap*, *mṛāc*; *B āšce* 'голова' (*B mṛāc* малоупотребительно); *A kāmte* 'правди.

проявляется в наличии многочисленных косвенных свидетельств, относящихся к различным языковым источникам этого региона.

В этой связи следует прежде всего привлечь праторкские формы, которые можно считать заимствованными из тохарских диалектов в ранний праторкский (вероятно, во время контактов в Средней Азии), а не в более

выш, истинный? *B emrem*; *A knā-* 'знать' (из общиндоевропейского: рус. *знать*, лат. *gnosco*, англ. *know* и т. п.): *B aik-*; *A wras(om)* 'живое существо, человек': *B onolme*; *A orotse* 'большой': *B tsopats* (*orotse* в тохарском *B* используется как царский титул); *A tokone* 'возраст': *B ktsaitsaññe*; *A okak* 'вплоть до': *B tānktsi*; *A tsru* 'маленький': *B totka*; преверб *A pāst* 'проч': *B lek, lo*; *A šaku* 'волосы на голове': *B matsi*; *A šwal* 'мясо' (=то, что едят): *B misa* (иранское заимствование); послелог *A solar* 'до': *B waññai*; *A aryu* 'долго' (с точным соответствием в анатолийском: лув. *arai*): *B walke* 'долго'; послелог *A ešak na*: *B šar*; *A wāl-* 'умирать': *B sruk-* (в *A* *struk-* используется только как каузатив 'убивать'); *A kāk-* 'вставать': *B tsānk-* и др. Культурный контакт между двумя языками продолжался и после их разделения, поэтому в каждом из них есть и заимствования, и кальки из другого. Однако фонетические и морфологические различия даже и между родственными словами настолько велики, что взаимопонимание должно было быть сильно затруднено (вопреки иногда высказывавшейся в литературе обратной точке зрения). По отношению к Турфану это доказывает фрагмент А 394 из Сенгима. Тохарские глоссы в этом тексте на тохарском *A* с неопровержимостью свидетельствуют о том, что к тому времени тохарский *A* (мертвый священный книжный язык) для говоривших на разговорном тохарском стал непонятным и его надо было специально изучать, ср. следующие глоссы: тох *A tsaryo* 'рукой' (твор. п.) — *B šarsa* (перлатив; в тохарском *B* творительный падеж отсутствовал и ему мог соответствовать по смыслу перлатив; показательно, что *A tsar-* и *B šar-* — исторически родственные основы, но в двух данных словоформах изменившиеся до неузнаваемости); *A elant* 'дары' — *B ayornta* (корни глаголов *A e-*, *B ay-*, от которых посредством разных суффиксов *A -l-*, *B -og-* — образованы эти существительные, также родственны, но после монофтонгизации **ay* > *e* в тохарском *A* форма стала неузнаваемой); *A pñintu* 'добродетели, заслуги' (старое заимствование из санскрита) — *B yarponta*; *A wašt*, *B ost-*, и окончания *A -am*, *B -ne* — первоначально родственны, но изменились так, что следов тождества нет); *A uñam* 'ушедший' (медальное причастие от *i-*) — *B uñeme* (разговорная форма из *uñame*; корни *A u-*, *B u-* и суффиксы медальных причастий *A -tam*, *B -tame* исконно родственны, но в тохарском *B* глагол из 1 класса атематических глаголов переходит частично в класс с носовым аффиксом *u-ne*, что и привело к несопоставимости форм); частица *A re*, *B ra* (частица со сходным значением); *A tap* 'ел': *B suwa* (видимо, разговорная или неправильная форма вместо *suwat* с утратой конечного носового; в тохарском *A* был родственный глагол *swā-*, инфинитив которого в предшествующей части тохарского *A* текста глоссой не снабжен, но он образовывал прошедшее время супплетивно от архаического индоевропейского глагола — тох. *A tap-*, в тохарском *B* не сохранившегося); *A risat* 'он покинул' (3 л. ед. ч. прош. вр. мед.): *B riñ* (корни в обоих языках одинаковы, но тохарское *B riñ-* *tsate*, соответствующее тох. *A risat*, к тому времени, очевидно, заменилось новообразованием *riñ* по продуктивному типу от корня *ri-*, ср. отглагольное *B ri-lñe*); *A nātswassi* 'заставить умереть с голода' (инфинитив каузатива к *nātsw-*): *B mātsorsi* (повидимому, вместо перлатива субстантивированного причастия прош. вр. *mātsorsa* 'посредством голода', *-si* по аналогии с инфинитивом — тох. *B mātsatsi*, если это не запись редуцированного гласного в безударном конечном слоге в разговорном произношении; основы *A nātsw-*, *B mātsw-* исходно родственны, но формы неузнаваемо далеки); *A kälpora* — (перлатив на *-a* абсолютива от *kälp-* 'находить'): *B -rsa* (т. е. *kälpor-sa*; тох *B* перлатив *-sa* вместо *A -ā*); *A rosač* 'внизу, около': *B patsane* (очевидно, разговорная форма послелoga с тем же значением). Эти тохарские *B* глоссы особенно ценны тем, что они показывают взаимную непонимаемость исконно родственных слов, часто приводимых в научной литературе как свидетельство близости двух языков. Из 124 словоформ тохарского *A* текста 21 (т. е. шестая часть: некоторые поясненные слова, как *tār*, повторяются, и к ним вторично глоссы не приводятся) были непонятны говорившему на тохарском *B* писцу. Таким образом, подтверждается старая гипотеза о том, что тохары еще до прихода в Восточный Туркестан, «как показывают поразительно сильные различия между тохарским *B* и *A*, развалились в обособившихся друг от друга группах» (из письма Шедера: *Schaeder H. H. ap. Altheim F. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter. Bd. 1. Halle/Saale, 1948. S. 54. Anm. 18*).

поздний период — древнетюркский ⁴⁶. Сюда относятся слова типа: пратюрк. *bēš ‘пять’: тох. *B piš* < и.-е. *p[h]lenk^{[h]o}e; пратюрк. *bil- ‘знать’: тох. *rel- ‘думать; ведать; видеть’ < и.-е. *b^[h]el-: тох. *A pälsk-, B palck-* ‘думать’; пратюрк. *keu ‘кобыла’ > монг. *geu*: тох. *B keu, kewiye, A ko, ki* ‘корова’; пратюрк. *kert- ‘отрезать’: тох. *B kārst-, karst-* ‘отрезать’; пратюрк. *küñ, quñ ‘день, солнце’: тох. *A, B koñ*; пратюрк. *tör(e) ‘почетное место напротив двери’: тох. *B twere* ‘дверь’ < и.-е. *d^[h]cer-; пратюрк. *söl ‘левый’: тох. *B šwal-yai* ‘слева’, *B šālyi* ⁴⁷ (родственно лув. *iral-* ‘левый’ и принадлежит к числу древних тохаро-анатолийских изоглосс); пратюрк. *tümen ‘десять тысяч; тьма’: тох. *B ŷumane, tmāne*, тох. *A tman* ‘10 000’; пратюрк. *yigirmi ‘двадцать’: тох. *B ikām*, тох. *A wiki* < и.-е. *wī-kmt^[h]- ‘20’; пратюрк. *уар- ‘делать’: тох. *A ур-*, основа от корня тох. *A уа-* ‘делать’ (родственно хэтт. *īia-*, лув. *aia-* и принадлежит к числу тохаро-анатолийских изоглосс); пратюрк. *yez ‘медь’: тох. *B yasā*, тох. *A wās* ‘золото’ (и.-е. *(a)ues-k^[h]- древнее шумерское заимствование ⁴⁸).

В этом же смысле следует истолковывать многочисленные финно-угорско-тохарские лексические сходжения, свидетельствующие о контактах между этими народами также в пределах Средней Азии ⁴⁹. В некоторых случаях вероятно заимствование из раннетохарского в финно-угорский (тох. *B mit* ‘мед’: фин.-уг. *mete ‘мед’; тох. *B ñem* ‘имя’: урал. *ñim(e) ‘имя’ ⁵⁰; тох. *B okso* ‘бык’: вол.-перм. *o/uška; тох. *A *sāle* ‘соль’: фин.-перм. *sal3), в других — несомненно, что заимствование шло из финно-угорского в тохарский: тох. *A kāk* ‘идти’, *B kalāk-* ‘следовать’: фин. *kulkea* ‘идти’; тох. *A potāk-* ‘рука’: фин. *potkia* ‘ударить ногой’ ⁵¹ и т. п. ⁵²

При подобных контактах, как известно, в контактирующие языки не только заимствуются слова, но и калькируются отдельные выражения. В качестве типичной иллюстрации в данном конкретном случае можно привести такие параллельные семантические конструкции, как тох. *A ak-mal* ‘лицо’ (буквально ‘глаз — нос’), где в лексическом сочетании индоевропейского *ak* ‘око’ и тох. *A* (финно-угорского по происхождению)

⁴⁶ Ср. *Róna-Tas A. Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. V. Protokollband der XII Tagung der PIAC 1969 in Berlin. Hrsg. von G. Hazai und P. Zieme. B., 1974. S. 499—504; Winter W. Tocharians and Turks // Aspects of Altaic civilisation (UAS 23), Bloomington, Indiana University, 1963. Возможно, что такие слова, как тох. *A ati*, *B at(i)yai* ‘трава’, следует считать, напротив, заимствованиями из тюркского (возможно, более позднего времени, когда на тюркском говорила большая часть населения оазисов), ср. тюрк. *ot* ‘трава, сено’: *Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941. S. 64; Windekens van. Le tokharien confronté... P. 624; Isabaert L. Notes de lexicologie tocharienne, III // Orbis, 1978. T. XXVII.**

⁴⁷ Заимствование обозначения ‘левого’, объясняемое обычно эвфемистическими причинами (значимость левой стороны как связанной с отрицательным рядом символов), типологически подтверждается, например, заимствованием баскского термина для ‘левого’ в испанский и другие иберо-романские языки.

⁴⁸ *Aalto P. Ein alter Name des Kupfers // Ural-Altische Jahrbücher. 1959. № XXX. S. 33—70.*

⁴⁹ См. о вероятных раннетохарских заимствованиях в финно-угорском: *Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. II. С. 937.*

⁵⁰ *Pedersen H. Ein tocharische Frage // JKF. I. 1950. S. 103 f.*

⁵¹ *Windekens van. Le tokharien confronté... P. 625—626.*

⁵² О параллелях в соединении значений, относящихся к конечностям (‘рука’ > ‘нога’) в разных языках см. по поводу этого сближения *Windekens van. J. Sur quelques mots tokhariens provenant de langues asiatiques indo-européennes et non-indo-européennes // Orbis. 1964. T. 13. № 2. P. 543.*

mal 'нос' (общеугор. *nāl — 'нос') обнаруживается нехарактерная для индоевропейского структура словосложения, ср. финно-угорскую хантыйскую конструкцию *ňot-sem* 'лицо' ('нос—глаз')⁵³.

Исследования последних лет показали, что следы взаимодействия носителей раннетохарских языков с финно-уграми обнаруживаются и в фонологической системе тохарского, в подсистеме согласных, по сути тождественной таким диалектным финно-угорским, как собственно угорская⁵⁴, а также и в целом ряде других существенных типологических черт тохарской языковой структуры — в наличии ряда локальных падежей финно-угорского типа, в каузативных образованиях, играющих весьма существенную роль в системе глагола⁵⁵, и в целом ряде других типологических черт (синтаксическая роль глагольных имен, наличие категории привативности в глаголе), свидетельствующих о преобразовании исходной индоевропейской структуры скорее всего под воздействием финно-угорского, хотя в некоторых отношениях возможно и воздействие пратюркского и других агглютинативных языков⁵⁶. Несомненно, что такого рода глубокие преобразования исходной структуры предполагают весьма длительное взаимодействие и вероятное двуязычие контактировавших групп прототохарского и прафинно-угорского населения. Эти контакты могли иметь место только на территории Средней Азии, к северной (а по некоторым предположениям, и относительно более южной) части которой в настоящее время приурочивается финно-угорская (и еще более древняя общефинно-угро-самодийская или уральская) прародина.

Можно предположить, что прототохарско-пратюркские и прототохарско-финно-угорские контакты (по историко-фонетическим деталям датированные временем до рубежа II и I тыс. до н. э.) скорее всего указывают на север Средней Азии и прилегающие к нему с севера и востока области. Эти последние входят в сферу распространения «скифской» (в широком смысле слова) культуры (ср. данные о «зверином стиле»), с которой можно соотнести и языковые «скифо-(древне)европейские» связи (в них участвовал и прототохарский, начавший уже в это время контактировать и с иранскими диалектами, особенно восточными).

Что касается более поздних достоверных данных о контактах носителей тохарских языков с китайцами, к этому времени можно предполагать значимость гораздо более южных путей, в частности, «шелкового», свя-

⁵³ Ср. об этом типе: *Aalto P.* Word-pairs in Tocharian and other languages // *Linguistics*. 1964. № 5. P. 69—78. Значимость словосложений этого типа для выяснения древних путей миграции тохар заметил еще Шульце: *Schulze W.* Kleine Schriften. Göttingen, 1934. S. 257; с поразительной пронизательностью Шульце еще в 1927 г. увидел в этом типе «заметный след того чужеземного влияния, которому должен был подвергнуться язык далеко забредших тохар в их переменивой истории» («eine greifbare Spur jenes völkfremden Einfluss, dem die Sprache der weitgewanderten Tocharer in ihrer wechselvollen Geschichte ausgesetzt gewesen sein muss»). Ср. также к проблеме следов тохаро-уральского контакта: *Menges K.* Uralisches im Tocharischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1967. Bd 39. S. 90—92.

⁵⁴ *Ivanov V. V.* Tocharian and Ugrian // *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica*. W. Winter-Festschrift. Berlin, New York, Amsterdam, 1985. P. 411—419; *Иванов Вяч. Вс.* Параллелизм фонологических систем раннеугорского и общетохарского праязыков и его возможное диахроническое объяснение // *Фонетика языков Сибири*. Новосибирск, 1986.

⁵⁵ *Krause W.* Bemerkungen zur Kausativ und Passiv-Funktion des finno-ugrischen T-Suffixes // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1956. Bd 28. Ht 3—4. S. 174—181.

⁵⁶ *Krause W.* Zur Frage nach dem nichtindogermanischen Substrat des Tocharischen // *KZ*. 1951. Bd 69. Ht 3—4. S. 185—203; *Bednarczuk L.* Non-Indo-European features of Tocharian // *Studia Indo-Iranica*, 1983. P. 11—13. Ср. дальнейшие библиографические данные в разделе «Die nichtindogermanische Komponente» в книге: *Thomas W.* Die Erforschung des Tocharischen (1960—1984). Stuttgart, 1985.

завшего Среднюю Азию с восточными районами Китая. Как предполагают на основании данных китайских источников, северо-восточный путь мог привести тохар в более восточные области Китая, откуда позднее они переселяются (целиком или частями) на запад, в оазисы Восточного Туркестана, через которые в то время пролегает «шелковый путь»⁵⁷. Здесь они, естественно, должны были сталкиваться с древними китайцами и другими народами, населявшими в то время западные области Китая и прилегающие ареалы, в том числе, возможно, и с прототибетцами и некоторыми из носителей австро-азиатских и алтайских языков, о чем могли бы говорить заимствования из этих языков в тохарский и обратно (ср., в частности, такие вероятные сино-тибетские заимствования в тохарском, как тох. *A ko*, *B kou* 'рот': тиб. *kha* 'рот', др.-кит. **ko* < син-тиб. **ka* и ряд других⁵⁸); возможное австро-азиатское заимствование в тох. *A oñkolmo*, *B oñkalām* 'слон': прото-мыонгск. **ngo'la* 'бивень слона', вьетнамск. *ngà* 'слоновая кость', др.-кит. **ng(r)a* > *ya* 'бивень слона'⁵⁹ ряд алтайских заимствований, возможно, связанных либо с довольно далеким продвижением прототохар на восток, либо с более западным местонахождением протокорейского и других алтайских диалектов, представлен, вероятно, в ряде тохаро-корейских сближений; к предложенным ранее⁶⁰ можно прибавить: тох. *A pikul*, *B pukal*, *pkul* 'год': кор. *phul* 'год'; тох. *B maim* 'чувство': кор. *maime* 'чувство'; тох. *B šwalyai* 'слева': сино-кор. *šoа* > *šwā* 'левый' и др.). К числу бесспорных ранних тохарских заимствований в древнекитайский принадлежит др.-кит. *mī*

⁵⁷ О распространении влияния тохарских диалектов уже к середине III в. н. э. — IV в. н. э. на юг и юго-восток Восточного Туркестана свидетельствуют следы этого влияния в пракрите краорайн, которым в это время были написаны документы из Нии и района Лобнора. В этом пракрите есть несомненные тохарские заимствования: пракрит. краорайн. *kīlme* 'область' (*Воробьева-Десятовская М. И.* Индийцы в Восточном Туркестане в древности (Некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 77); тох. *A kālyme* 'направление, область, сторона света', *B kālymie* (родственно греч. *κλίμα* 'склонность; область, географическая зона', др.-арм. *kolim* 'область', ср. также второе значение пракрит. краорайн. *kīlme* 'земельное пожалование' и тох. *A a-kālyme* 'во власти кого-либо', *B e-kalūmi* 'зависающий от кого-либо'), пракрит. краорайн. *šuka* 'вкусный' (*šuka masu* 'вкусное, отменное вино'), тох. *B šuke*, *A šuk* 'вкус, аромат, сладость' от *A*, *B tsuk-/šuk-* 'пить, поить' и т. п. Часть слов, совпадающих в пракрите краорайн с тохарским, заимствована из другого языка, но иногда тохарский был передатчиком заимствования: пракрит. краорайн. *rake* 'доля, паек', тох. *B rake*, *A rak* 'часть, доля', санскр. *bhaga*; пракрит. краорайн. *šama(m)na* 'монах', тох. *A šamaṃ*, санскр. *śramaṇa* и др. Фонетические особенности краорайнского санскрита соответствуют тому субстрату, которым можно было бы объяснить и фонетическую систему пратохарского; ср. *Burrow T.* Tocharian elements in Kharosthi documents // *JRAS.* 1935. P. 667—675. Следовательно, носители тохарских диалектов пришли в Восточный Туркестан задолго до III в. до н. э. и их язык обладал значительным престижем, что объяснило бы заимствование из него в пракрите весьма существенных социальных терминов, относящихся к социальной организации местного населения и религии.

⁵⁸ *Sapir E.* Tibetan influences on Tocharian // *Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality.* Ed. D. G. Mandelbaum. Berkeley — Los Angeles, 1951. P. 273—284; *Иванов Вяч. Вс.* Тибетские кальки в тохарских текстах // *КСИНА.* Сб. памяти Ю. Н. Периха. М., 1961. С. 35—40; *Blažek V.* The Sino-Tibetan etymology of the Tocharian *A mkw* — *B moko* 'monkey' // *ArOr.* 1984. T. 52. P. 390—392.

⁵⁹ *Norman J., Tsu-lin Mei.* The Austroasiatics in Ancient South China. Some lexical evidence // *Monumenta Serica.* November 1978. V. XXXII (1976). P. 288—298; ср. *Иванов Вяч. Вс.* К этимологии некоторых миграционных культурных терминов // *Этимология* 1980. М., 1982. С. 166.

⁶⁰ Ср. *Eckardt A.* Alt Korea und die Tocharer // *Sinologica.* 1967. V. 9. № 2. S. 96—107; ср. *Ramstedt G. J.* The relation of the Altaic languages to other language groups // *Journal de la Société finno-ougrienne.* 1946—1947. T. 53. P. 15—26.

‘мед’ < др.-кит. *miet < прадох. *myät > тох. В mit ‘мед’⁶¹ (слово засвидетельствовано в китайском со второй половины I тыс. до н. э.).

О достаточно древних контактах (уже начиная с I тыс. до н. э.) прото-тохар и китайцев свидетельствуют не только косвенные языковые следы, но и многочисленные китайские обозначения и термины, относящиеся к тохарам.

Самое распространенное древнекитайское название, по-видимому, обозначающее тохарские племена (возможно, вместе с некоторыми другими), соприкасавшиеся с китайцами в ареалах исторического расселения тохар, является термин *юэ-чжи* (в стандартной английской передаче Yüe-chih), вариант *юэши*. Хеннинг, используя реконструкцию Карльгрена⁶² *ngi-wättië(g) (для древнекитайского раннежюуского времени, т. е. для начала I тыс. до н. э.) и *ngiwal-tsi для среднекитайского (около середины I тыс. н. э.), выводит имя этого племени из *Guti, предполагая ассибиляцию палатализованного *ti > çi⁶³, соответствующую законам сравнительно-исторической фонетики тохарских языков, и считая наиболее достоверной форму, встречающуюся с IV в. и позднее⁶⁴: Хеннинг интерпретирует ее как Yü-chih из *Gu(t)-ti⁶⁵. Китайские источники (в частности историк Сыма Цянь) сообщают о юэчжи, что их кочевья лежали между оазисом Дунь-хуан и горами Цилян (точное географическое приурочение последних спорно — либо горный массив Мованшан к северу от Ганьчжоу в провинции Ганьсу⁶⁶, либо — по Г. Халуну — хребет Рихтгофена к югу от городов Сучжоу и Лянчжоу⁶⁷). Согласно «Истории поздней династии Хань» («Хоухань-шу»), «большая орда» юэ-чжи насчитывала до 400 тысяч человек и могла в случае войны выставить до 100 тысяч воинов (по одному от каждой из имевшихся в ней 100 тысяч палаток)⁶⁸. Как сообщает Сыма Цянь («Шицзи», цзюань 110), после поражения, которое в 174 г. до н. э. потерпели юэ-чжи, они переселились в Среднюю Азию. Хеннинг высказал предположение, что отколовка юэ-чжи в Среднюю Азию могла быть связана с тем, что у них сохранилась память о некогда совершенном ими движении в обратном направлении (из Средней Азии на восток)⁶⁹. Но, как сообщают другие китайские источники («Цянь ханьшу», цзюань 966), часть юэ-чжи осталась в кочевьях усуней после ухода на запад. Эти юэ-чжи и отождествляются с тохарами — носителями тохарского А и тохарского В языков.

⁶¹ *Поливанов Е. Д.* Индоевропейское medhu ~ общеиталийское mit // Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества. 1916. Т. XXIII. Вып. I—II. С. 263 сл.; *он же.* Избранные работы по общему языкознанию. М., 1968; *Konrad A.* Alte westöstliche Kulturwörter // Berichte über Verhandl. d. Sächs. Akad. d. Wiss. zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 1925. 77; ср. также *Ulving T.* The Indo-European elements in Chinese? // Anthropos. 1968—1969. Bd 63—64. S. 948.

⁶² *Karlgren B.* Grammata Serica Recensa. Stockholm, 1957.

⁶³ *Henning.* The first Indo-Europeans... P. 222.

⁶⁴ *Haloun G.* Zur Ue-tsi-Frage // ZDMG. 1937. Bd 91. S. 243—318, особенно S. 301. Ср. также *idem.* Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt. Erster Teil. L., 1926.

⁶⁵ *Henning.* The first Indo-Europeans... P. 222. Трудности, однако, представляет необходимое для подобной реконструкции начальное *g- в имени гутнев; если это имя, как предположено выше, начиналось не со звонкого, а с глухого согласного, то это отождествление невозможно.

⁶⁶ *Herman A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz, 1938. S. 139. Anm. 1.

⁶⁷ *Haloun.* Zur Ue-tsi-Frage; *idem.* Seit wann kannten...; *Pepux Ю. И.* Тохарская проблема // *Pepux Ю. И.* Избр. соч. М., 1967.

⁶⁸ *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou // T'oung Pao. 1907. V. VIII. P. 189; *Pepux.* Тохарская проблема.

⁶⁹ *Henning.* The first Indo-Europeans...

На основании анализа некоторых имен и титулов юэ-чжи Паллиблэнк предположил, что в них отражены слова тохарских языков. Обращает на себя внимание, в частности, имя предводителя малых юэ-чжи *пуак-тс'иа, отождествляемое с тох. *A pākci*, *B pākci(i)u* 'божественный, небесный'⁷⁰ (архаическая изолированная притяжательная форма древнего типа на *-ī от тох. *A p̄kāt*, *B p̄akte* 'бог', вероятно, родственного микен. греч. *wa-na-ka* 'царь, божественный царь', гом. (F) *χναξ*⁷¹, что подтверждает вероятность использования прототохарского слова в качестве социального термина).

Выдвигаемое на основании китайских сведений о юэ-чжи и усунях, а также лексических (и других) свидетельств контактов тохарского (на ранних этапах его истории) с восточноазиатскими языками предположение о том, что тохары могли прийти в Восточный Туркестан из еще более восточных или северо-восточных мест своего промежуточного расселения, можно было бы соотнести с целым рядом антропологических свидетельств о проникновении европеоидного элемента в Центральную Азию. При исследовании неолитических черепов из могильников Усть-Иша и Иткуль в Верхнем Приобье была выявлена европеоидная примесь в составе неолитического населения Алтая, наиболее вероятным источником которой признается «постсредиземноморское» население Таджикистана⁷².

⁷⁰ *Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans // JRAS. April 1966. P. 9—39* (также издано отдельной брошюрой: *The University of British Columbia, Department of Asian Studies Reprint Series*). Для самого имени юэ-чжи Паллиблэнк вслед за Марквартом (*Marquart J. Eragansahg, 1901*) предполагает отождествление с *Ῥάτοι* у Птолемея. Что же касается языковых данных, приводившихся в пользу гипотезы об отождествлении тохар и усуней (ср. о ней *Samolin W. Historical geography of the Tarim Basin before the Turks // Paleologia, 1955. IV; idem. East Turkestan to the twelfth century. The Hague, 1964*), то они пока немногочисленны и дискуссионны: ср. предположение о конечном тие < *тад в обозначениях правителей усуней как возможной передаче слова, родственного тох. *A wāl*, *B walo* 'царь' (*Pulleyblank E. G. The consonantal system of Old Chinese. Pt II. Asia Major. N. S. V. IX. 1962. P. 227*). Из двух альтернативных (или дополнительных по отношению друг к другу?) сравнений тохароязычного населения с усунями и с (малыми) юэ-чжи в пользу второго говорит, в частности, то, что все более привлекающий внимание исследователей своими переводами на китайский Кумараджива, по матери сам тохароязычный (носитель ранней формы тохарского), переводил санскр. *tukhara* оригинальных текстов посредством китайского названия малых юэ-чжи. Иначе говоря, для его времени (он умер в 412 г. н. э.) отождествление было несомненным. Можно ли это экстраполировать на более раннее время, пока с определенностью сказать трудно. Положительный ответ вел бы к допущению, что тохары, входившие в племенной союз больших юэ-чжи, в I тыс. до н. э. продвинулись далеко на (северо-)восток, а позднее мигрировали в западном направлении. Если допустить, что в племенной союз (больших) юэ-чжи (как и усуней) на определенном этапе кроме тохар входили и восточноиранские племена (что согласовалось бы с ранней датировкой начала восточноиранско-тохарских языковых контактов), то можно было бы предположить откочку именно восточноиранской части этого объединения (использовавшего, возможно, этноним тохар), тогда как собственно тохароязычное население из районов западнее оазисов Восточного Туркестана в Среднюю Азию могло и не мигрировать (такую точку зрения принимал Ю. Н. Перих, опиравшийся на китайские источники).

⁷¹ *Иванов Вяч. Вс.* Микенское греческое *wa-na-ka* и его индоевропейские соответствия // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 165—171; та же этимология и сходные выводы из нее (по-видимому, сделанные независимо) повторены в статье: *Farmini L. Una nota su greco miceneo wanaka // Archivio glottologico italiano. 1983 (1985). V. 68. P. 7—14*; ср. также более раннюю работу: *Normier R. Tocharisch p̄kāt/p̄akte 'Gott' // KZ. 1980. Bd 94.*

⁷² *Дремов В. А.* Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль. К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 39—44.

Европеоидные черепа эпохи бронзы найдены в Западной Монголии⁷³ и Туве⁷⁴. В свете этих данных по-новому ставится и давно уже обсуждавшийся вопрос о возможности проникновения в Ганьсу европеоидной примеси населения из Средней Азии⁷⁵. Наряду с таким объяснением особенностей неолитического населения Ганьсу⁷⁶ в отличие от тихоокеанской ветви монголоидов Н. Н. Чебоксаровым обсуждалась и гипотеза о проявлении географического полиморфизма недифференцированного типа. Однако сопоставление с указанными новыми открытиями приводит к выводу, что «европеоиды были гораздо более близкими соседями азиатских монголоидов, чем это представлялось ранее»⁷⁷.

В этой связи значительный интерес представляют давние и в основном успешные попытки выявить европеоидные черты на изображениях знатных тохар на фресках Восточного Туркестана, хотя их принадлежность к светловолосому и голубоглазому подтипу не вполне достоверна из-за возможных химических изменений красок⁷⁸ и не так существенна с точки зрения современных представлений о вероятном антропологическом типе индоевропейцев. Что же касается одежды, оружия и других черт материальной культуры, реконструируемых по этим изображениям, то они носят следы длительных контактов с иранцами⁷⁹, столь существенно сказавшихся и на лексике исторически засвидетельствованных тохар-

⁷³ *Мамонова Н. Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Вып. XXXVI. Л., 1980.

⁷⁴ *Голман И. И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Там же.

⁷⁵ *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978. С. 128—130.

⁷⁶ *Black D.* A Study of Kansu and Honan aeneolithic skulls and specimen from later Kansu prehistoric sites in comparison with North China and other recent crania // *Palaontologia Sinica*. Ser. D. 1928. № 6. Fasc. 1.

⁷⁷ *Голман И. И., Решетов А. М.* О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности // СЭ. 1981. № 6. С. 78—88. Отмеченные там же (с. 81) деформированные наложником повязки в лобной и затылочных областях черепа из Шаньдуна (из могильников Давэнькоу и Сисяхоу) представляют исключительный интерес ввиду наличия параллелей в «кушанских» изображениях на монетах и в деформированных черепах из могильников по материалам Южной Туркмении и Таджикистана: «Деформация головы хорошо выражена на выбитых на монетах изображениях ряда кушанских, а затем и эфталитских царей. Это соответствует данным об их происхождении из кочевнической среды, а не из оседлого древнего местного населения, у которого на рубеже нашей эры еще не существовало массового обычая деформировать голову, как не было и погребений катакомбного и подобной типов. Эти обычаи были сюда привнесены кочевыми племенами из большого юечжуйского союза, хоронившими своих покойников в могильниках кенкольского и близкого ему типов... Тип собственно кушан в антропологическом отношении мы можем пока только предполагать, связав европеоидный тип с деформированной головой (на изображениях кушанских царей на монетах), с типом погребений в „гуинских“ могильниках кенкольского типа» (*Гинзбург В. В.* Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского Междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции. Т. 1. М., 1974. С. 224).

⁷⁸ *Краузе В.* Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959. С. 47. Ср. об изображении знатных тохар на фресках Кучи и Карашара: *Дьяконова Н. В.* Осада Кушинагара // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 97—107, 216. Рис. 12. С. 248. Рис. 17 (изображения, представляющие интерес и для реконструкции этнического типа). Ср. *Рерих Ю. Н.* Домусульманские памятники Восточного Туркестана // Избр. статьи; *Gabain A. V.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoco (850—1250) (Textband). Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd 6. Wiesbaden, 1973. S. 115—150; *Bussagli M.* Die Malerei in Zentralasien. Genf. 1963.

⁷⁹ Иранский тип одежды и вооружения на изображениях богатых жертвователей, вероятно, из тохарской знати отмечал Ю. Н. Рерих (Домусульманские памятники...).

ских языков⁸⁰. Кажется вероятным предположение, что юэ-чжи и усунь были образованиями полиэтническими, в составе которых тохарские составные части взаимодействовали с иранскими.

Другим древнекитайским названием тохар или части их племен, соотносимой с носителями тохарского, было кит. Ien-k'í⁸¹, сопоставляемое с тох. A ārsi (как название языка: ārsi-kāntwa 'язык арши'⁸², Ārsi-yue 'страна арши'). По Хеннингу, и это название находит соответствие в иранской топонимике, в названии царства Arg⁸³, откуда позднее и санскр. Agni как название области Карашара — одного из оазисов, где были найдены тексты на тохарском А. По-видимому, это второе китайское обозначение тохар возникает позднее, когда китайцы сталкивались с носителями отдельных тохарских племен и языков, в частности, тохарского А, в то время как более древнее название юэ-чжи относилось, очевидно, к тохарским племенам вообще, до обособленного их поселения уже в историческую эпоху в отдельных регионах Китайского Туркестана.

С данными китайских источников, согласно которым юэ-чжи во II в. до н. э. откочевали в Среднюю Азию, обычно связывают и название Тохаристана и наличие тохарского (возможно иранского?) языка на территории исторической Бактрии, судя по средневековым источникам и нумизматическим данным той же эпохи. В частности, уже у Бируни среди нескольких среднеазиатских языков упомянут наряду с бухарским (bil-buxariyah), согдийским и балхским (bil-balkhiyah) также и тохарский ('t-tuxāīyah)⁸⁴; обнаруженные поблизости от Бухары монеты сасанид-

⁸⁰ Isebaert L. De Indo-Iraanse bestanddelen in de Tocharische woordenschat Vraastukken van fonische productinterferentie, met bijzondere aandacht voor de Indo-Iraanse diafonen a.a. Leuven, Kathol. Univers.; Schwartz M. Irano-Tocharica // Mémoires J. de Menasce. Louvain, 1974; Winter W. Baktrische Lehnwörter im Tocharischen // Donum Indogermanicum. Festgabe für A. Scherer. Hrsg. von R. Schmitt-Brandt. Heidelberg, 1971. S. 217—223; Tongerello A. La structure de la communauté manichéenne dans le Turkestan chinois à la lumière des emprunts moyen-iraniens en ouïgour // Central Asiatic Journal. 1982. V. 26. № 3—4. P. 262—287.

⁸¹ По Паллиблэнку, китайская транскрипция 'iän-gyi была связана с тох. A ārkī 'белый, блестящий', тох. B arkwi 'белый' (Pulleyblank. Op. cit. P. 20).

⁸² Sieg E., Siegling W. Tocharische Grammatik. Bearb. im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1933. S. 241.

⁸³ Henning W. B. Argi and the Tocharians // Bulletin of School of Oriental Studies. 1938. 9. P. 545 — ср. здесь же об отождествлении аргишпейн Геродота с арг-, Argi-. В одной из самых ранних древнетюркских надписей упоминается народ, предположительно отождествляемый с теми же arsi: birgār ioquz ersänka te gi 'на юг (буквально: направо) я до девяти эрсенов прошел с войском' (малая надпись Кюль-Теги-на, 3). В другом большом древнетюркском тексте в сходном месте упомянуты, по-видимому, тохары ioquz-syn₂ (толкование Радлова, принятое и многими другими тюркологами). Однако текст (памятник в честь Тоньюкука, 45) в этом именно месте фрагментирован, поэтому перевод неоднозначен.

⁸⁴ Henning W. B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Hrsg. von B. Spuler. I Abt. 4 Bd. Iranistic. 1 Abschn. Linguistik. Leiden — Köln, 1958. S. 85. Связь термина, относящегося к среднеазиатскому (в историческое время — иранскому) Тохаристану в Бактрии, и аналогичного названия в Восточном Туркестане едва ли может быть оспорена. Можно было бы даже думать, что речь идет не об именах одного происхождения, полученных разными народами и языками, а первоначально об одном имени народа (племени) и его языка. Но лингвистические данные о возможных следах пребывания собственно тохар (не иранцев, которые могли позднее переиметь этноним) в Средней Азии в историческое время ненадежны. Этноним khan-kio и тох. A kank камень (?) по Бэйли связывают с древним именем Ташкента (см. об этой гипотезе: Pulleyblank E. The consonantal system of Old Chinese. Pt 2 // Asia Major. N. S. 1962. V. IX. Pt 2. P. 247 f.; idem. Chinese and Indo-European // JRAS. 1966. 28; ср. также: Aalto P. The name of Tashkent // Central Asiatic Journal. 1977. V. 21. P. 193—198), но значение этого тохарского слова, представленного единичными контекстами и не вполне ясными производными, не определено четко. Кроме того, и на территории

ского типа имеют легенду, в которой Хеннинг находил упоминание царя тохар MLK ʔtwhr⁸⁵. По мысли Хеннинга в его последней работе, движение тохар (юэ-чжи) в Среднюю Азию с востока было связано с памятью о предшествующих их передвижениях через Среднюю Азию. Возможно ли, что часть названий, связанных с тохарами в Средней Азии, отражает первоначальное переселение прототохар до их прихода в Восточный Туркестан, а не вторичные обратные передвижения? При относительно поздней хронологии этих данных, относящихся к Средней Азии, ответить на этот вопрос пока не представляется возможным.

Но в свете вышеизложенного кажется естественным и вполне вероятным происхождение в различных традициях Средней и Центральной Азии титулатуры типа «царь царей», «бог богов» из древнесемитской (аккадской) традиции через посредство прототохар. В аккадском мире выражение «царь царей» является стандартным и в традиции, усвоенной в III тыс. до н. э. кутиями-тохарами, используется в качестве имени собственного уже в староаккадский период, ср. указанное выше Šarkališarri 'царь всех царей'. Именно продолжением этой традиции и являются формулы-титулы тохар. A ṅaktašši pāttaññaktes 'Будда — бог богов', тох. B nikteñ-nikte 'бог богов' (с возможным следом древнего род. п. мн. ч. на -n), ṅaktemts ṅakte pudñakte 'Будда — бог богов' (вероятным тохарским влиянием объясняется др.-тюркск. ṅrī ṅrīsi burxan 'бог богов — Будда'⁸⁶), ср. также хотано-сак. gyāstānu gyastā—gyastānugyastibalyi 'бог богов Будда', в котором давно замечено «сочетание, аналогичное титулатуре сакских и кушанских правителей (правителей Тохаристана) ṣāhānu-āhi шāхāнушāхи, т. е. „царей царь“⁸⁷, ср. др.-перс. x³ayaθiya x³ayaθiyānum. Точно так же построен бактрийск. ṛaonano ṛao (возможно, из *x³awanānam *x³āwa⁸⁸) — титул Канишки и других кушанских царей на монетах⁸⁹ и надписях, соответствующий греч. βασιλεὺς βασιλεῶν; в кушанской трилингве из Афганистана этот бактрийский титул передается пракрит. rajati rajaja 'царь царей'⁹⁰; титул Maharaja rajatiraj обычен у позд-

Восточного Туркестана не выявлены характерные черты именно тохарских топонимов. Тем не менее возможные области распространения тохар в Средней и Центральной Азии, совпадающие с известиями о переселении юэ-чжи, могли быть заселены когда-то носителями родственных тохарских диалектов.

⁸⁵ Ibid. S. 26. В последнее время (в публикации М. Альрама) чтение Хеннинга оспаривается.

⁸⁶ Грамматический характер словосочетания указывает на калькирование иноязычного текста: *Gabain A. von. Buddhistische Türkenmission // Asiatica. Festschrift für F. Weller. Lpz., 1954. S. 171.*

⁸⁷ *Фрейман А. А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // История и филология стран Востока. Л., 1952. С. 129.*

⁸⁸ *Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963—1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. Под общ. ред. Б. Я. Ставиского. М., 1969. С. 57. Прим. 48. См. об этом титуле уже: Gauthiot R. Raonano rao. P., 1910; ср. также *Стеблун-Камениский И. М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. М., 1981. С. 317, 320.**

⁸⁹ *Abram M. Nomina Propria Iranica in Nummis. Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen, Textband // Iranisches Personennamenbuch. Hrsg. von M. Maqrhofer, R. Schmitt. Bd IV. Wien, 1986. S. 304, 306, 311, 314—316; ср. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968. Особенно с. 31 сл. (список титулов в надписях).*

⁹⁰ *Fussman G. Documents épigraphiques kouchans // Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient., P., 1974. T. 61; Humbach H., Davary Ch. D. Die Baktrische Inschrift IDNI von Dasht-e-Nawur. Mainz, 1976.*

них кушанских правителей в Индии⁹¹. Разумеется, древневосточный титул со значением «царь царей» или «бог богов» и т. п. мог распространиться в Центральную Азию (как и в Европу, ср. др.-ир. *ri ruirech*⁹²) различными путями, но у тохар он связан, как и другие титулы того же типа⁹³, с кушанской титулатурой. В той же связи стоит отметить и явное типологическое сходство древневосточных именованний типа шумер. *lugal gal* «царь великий» с тох. *B orortse walo* «великий царь» (в текстах в сочетании с *k₀šīlīñe* «кучинский»), соответствующим *māhārāja* в санскритской титулатуре кушанских царей.

В данном случае кутип-тохары могли выступать посредниками между аккадской традицией и традициями Средней — Центральной Азии. Представляется, что такое толкование может объяснить происхождение широко распространенного кушанского титула⁹⁴.

Идентификация *Guti* и *Tukri* в качестве древних индоевропейцев-тохар на Ближнем Востоке дает веские дополнительные аргументы лингвистического, историко-этнического, хронологического и исторического характера в пользу первоначальной локализации индоевропейцев именно в том географическом ареале (в расширенном смысле), где впервые на поприще истории появляются документально фиксированные носители древнейших индоевропейских диалектов. При допущении локализации индоевропейской прародины вне пределов Передней Азии (скажем, в ареале Северного Причерноморья или на Балканах) следовало бы предположить проникновение тохар на Ближний Восток с проходом через приволжские, северокавказские или прикаспийские степи в Переднюю Азию с тем, чтобы потом они снова совершили путь, двигаясь на север в Среднюю

⁹¹ Ср. *Puri B.* The later Kushnans // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. P. 56—59.

⁹² Ср. *Crevatin F.* Order and disorder: notes on some aspects of social ideology // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für J. Knobloch. Innsbruck, 1985. S. 71.

⁹³ В частности, в связи с тох. *B päktemts soy* «сын богов» как царским титулом правителя Кучи (в двуязычных текстах передает праkrit. *devaputra*) вопроса о кушанской титулатуре касается В. Винтер.

⁹⁴ Очень сложным остается вопрос, можно ли связать с названием Кучи и кушанского (тохарского *B*) языка языковую и этническую принадлежность кушанской династии, как это осторожно предположил В. Винтер. Эту точку зрения обосновывал на основе гипотезы о тохарском характере суффикса *-ska* в именах царей кушанской династии один из авторов настоящей статьи (*Иванов Вяч. Вс.* Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // НАА. 1967. № 3. С. 106—118) и развивал (предполагая, однако, вслед за Хенningом и сакское участие или хотя бы посредничество) Л. Г. Герценберг (*Герценберг Л. Г.* Кушанский и сакский // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 344—349). При возражениях, сформулированных весьма категорически (*Лившиц В. А.* Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 314—321) или осторожно в виде предпочтения альтернативного объяснения из хотаносакского (*Стеблун-Камениский.* Бактрийский язык. С. 320), не была принята во внимание такая тох. *B* форма, как мн. ч. *tsask-añ* (предполагает ед. ч. **tsaske*) «старейший, старший, старый» (=санскр. *mahallaka* — ср. *Edgerton F.* Buddhist hybrid Sanskrit. V. II. New Haven, 1953. P. 421), по своему значению и типу полностью идентичная кушанским именам на *-sk-* типа тох. *B Kana-ske* «Канишка» (к основе *tsa-* ср. *tso-pats* «большой» при *pats* «муж, супруг» < «сам»: рус. *(Гос)-подь* и т. п.). Если бы намеченная Винтером точка зрения оправдалась, в позднейшей кушанской династии (рубежа новой эры) в Индии и Бактрии можно было бы видеть отражение того же этнического слоя, что и в древней гутийской (кутийской) в Вавилоне. Но при всей заманчивой соблазнительности этих сближений они остаются достаточно рискованными. Дальнейшие данные о литературе по кушанской проблеме в связи со среднеазиатскими тохарами см.: *Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И., Горбунова Н. Г., Новгородова Э. А.* Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. 1—2. М., 1968 (особенно с. 24—61).

Азию. С географической точки зрения такая сложная, как бы искривленная траектория миграции племен, говорящих на близкородственных диалектах, не представлялась бы логически простой и исторически оправданной.

Более простое решение вопроса удастся предложить при допущении изначального нахождения на древнем Востоке как тохар, так и анатолийцев и фиксированных несколько позднее в письменных документах митаннийских арийцев. Очевидно, не случайно все самые ранние документально засвидетельствованные индоевропейские языки находятся в ареале Передней Азии. Не исключено, что существуют и другие, пока уверенно не опознанные следы древних индоевропейских племен в Передней Азии, что недостаточно учитывалось ранее в научной литературе. Не раз говорилось (по-видимому, без достаточных оснований) об отсутствии явных следов индоевропейцев на древнем Ближнем Востоке, что считалось аргументом против принятия переднеазиатской локализации прародины индоевропейцев (единственным признававшимся исключением были анатолийцы). Идентификация Gutī и Tukri с древнейшими индоевропейцами-тохарами должна изменить такую точку зрения. Постепенно выявляются и другие данные, усиливающие кумулятивное свидетельство присутствия древнейших индоевропейских племен в пределах Передней Азии. В свете этого было бы уместно исследовать ряд наименований соседних с Месопотамией стран, сохранившихся в шумерских письменных памятниках, в первую очередь наименование страны Aratta, которое может быть этимологизировано и на индоевропейской основе как *ar-t^[h] 'воды'⁹⁵, 'река', т. е. как 'страна реки Aratta', ср. nārA-rat-ta-a 'река Аратта', текущая в зоне «семи гор» по известной надписи Саргона I, Col. I, 30⁹⁶. «Страна Aratta», расположенная также за «семью горами», упоминается в шумерских эпических легендах, которые отражают события, датированные началом III тыс. до н. э. Согласно шумерской поэме «Энмеркар и правитель Аратты», шумеры торговали с соседней земледельческой стра-

⁹⁵ По хронологическим соображениям маловероятно, что это — собирательная восточноиранская форма, так как исходной формой для вост.-ир. суффикса мн. ч. *-ta (осет. — tā, ягноб. -t < согд. -t и т. п.) была *-t^[h]ya (>*θva > зап.-ир. ha > ср.-перс. hā); развитие этого типа, давшее вост.-ир. -ta, едва ли могло быть настолько древним. С древними производными от корня типа *er/*r- 'приходить в движение' связаны др.-инд. ar-p-avā 'море, бушующие волны': хет. aruna- 'море, озеро' (*Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. II. С. 671 сл.*), хет. arš- 'течь': др.-инд. ars 'течь (о реке)'; к суффиксу *-t^[h]o- ср., например, др.-инд. rta 'священный закон', др.-перс. arta (персонифицировано в так называемой «антидэвовской» надписи Ксеркса: *Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра. Т. I. М.—Л., 1945. С. 134—140; он же. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса // ВДИ. 1963. № 3. С. 113—118; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 323, 380), авест. aša 'добродетель, добро', греч. ἀρτιος 'справедливый', ἄρτιον 'враждебный': вед. ar̥ta- < *n-r̥-t^[h]o-: хет. ŪL (=natta) ara 'не по закону'; ср. *Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. II. С. 810* (использование *ar-t^[h]o в функции теоретического гидронима маловероятно, хотя и может совсем считаться исключенным, поэтому данный тип образования приводится здесь не как этимологическая параллель, а как сходная по характеру суффикса *-t^[h]o- и по морфонологической структуре именная основа).*

⁹⁶ *Thureau-Dangin Fr. Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 av. J.-C.), P., 1912. Librairie Gaithner. P. 8; ср. Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. 1987. № 1 (с другими опытами этимологизации). О символике числа «семи (гор)» в связи с Араттой в шумерском эпосе ср. теперь: *Vanstiphout H. Aantal, Getal en Reeks als stilj-middelen in Mesopotamische letterkunde // Accadica. № 36. Jan.-febr. 1984. Blz. 7.**

ной Aratta и получали оттуда драгоценные металлы, минералы, камни, включая лазурит. Правитель Урука Энмеркар (Enmerkar) посылает своих послов к правителю (верховному жрецу) Аратты с просьбой поставлять ему эти товары в Месопотамию⁹⁷. По Крамеру, страна Aratta (где, возможно, была и своя письменность⁹⁸) локализуется вблизи Каспийского моря, в зоне Урмийского озера⁹⁹. Это примерно та географическая область, которая для несколько более раннего периода предположительно рассматривается нами как ареал распространения общеиндоевропейского языка.

Примерно из этого ареала в пределах Передней Азии распространяются, попадая в сферу фиксированной истории, хетты — древние анатолийцы, а также тукри и гутии — последующие тохары — и митаннийские арийцы. Более ранние следы, относящиеся к общеиндоевропейской эпохе, в этих регионах в пределах Передней Азии трудно обнаружить из-за хронологии письменности на Ближнем Востоке, которая возникает и развивается в IV—III тыс. до н. э., очевидно, уже после распада общеиндоевропейского единства¹⁰⁰. С этим именно следует связать и то, что в пределах предполагаемой нами индоевропейской прародины почти полностью¹⁰¹ отсутствует (или до сих пор не выявлена) ярко выраженная индоевропейская топонимия и гидронимия. Ее необнаружение на территории предполагаемой нами области общеиндоевропейского языка (как и на других альтернативных территориях, предполагаемых в качестве индоевропейской прародины) не позднее IV тыс. до н. э. (а возможно, и значительно ранее) объясняется отсутствием сколько-нибудь развитой системы письма, привлекавшегося не только для учетно-административных целей: в это время письмо лишь зарождалось или находилось в зачаточном

⁹⁷ Enmerkar and the Lord of Aratta / Ed. S. Kohen. Ann Arbor, 1973. Аратта и ее состояние в достоинствах с Уруком составляет также сюжет трех других шумерских поэм: «Энмеркар и Энсухкешданна» (Enmerkar and Ensuhkeshdanna. A Sumerian narrative poem / Ed. A. Berlin. Philadelphia, 1979), «Лугальбанда и Анцу» (Wilcke C. W. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969; ср. Hruska B. Der Mythenadler Anzu in Literatur und Verstellung des alten Mesopotamien. Budapest, 1975) и «Лугальбанда и Куррумкурра» (см. Alster B. // Kramer Anniversary Volume. Neukirchen, 1976. S. 15—16; Hallo W. Lugalbanda excavated // JAOS. 1983. 103. P. 165—180; ср. характеристику общих структурных черт всех четырех поэм: Vanstiphout H. L. J. Problems in the Matter of Aratta // Iraq. Spring 1983. V. XLV. P. 35—42 (на с. 41, прим. 35, высказано на основании анализа сюжета предположение о том, что поэма «Энмеркар и правитель Аратта» может восходить к периоду Урук III); ср. Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образцы в искусстве. М., 1979. С. 97—99, 103; Komoroczy G. Zum sumerischen Epos Enmerkar und der Herr von Aratta (Rätsel und Tauschhandel) // Acta Antiqua Hungarica. 1968. T. 16. S. 15—20.

⁹⁸ Ср. Komoroczy G. Zur Ätiologie der Schriftfindung im Enmerkar-Epos // AF. 1975. Bd 3. S. 19—24. Недавно в связи с обсуждением роли письма, таблички и клинописи (ср. gag-am 'это — гвоздь') в этом эпосе высказано мнение (Vanstiphout H. L. J. Some remarks on cuneiform écritures // Scripta. Signa. Vocis. Studies about scripts, scriptures, scribes and languages in the Near East. Presented to J. H. Hospers. Ed. H. L. J. Vanstiphout, K. Jongeling, F. Loemhuis and G. J. Leinink. Groningen, 1986. P. 232. Not. 62) о том, что гипотеза Г. Комороци согласуется с предложенной М. Грин интерпретацией протошумерского письма.

⁹⁹ Kramer S. M. The Sumerians // Scientific American. Oct. 1957. P. 72—73.

¹⁰⁰ Ср. Schmandt-Besserat D. From tokens to tablets: a reevaluation of the so-called «Numerical tablets» // Visible language. 1981. V. XV. № 4 (Special issue: Aspects of cuneiform writing). P. 321—344.

¹⁰¹ Ср., однако, отдельные топонимы и гидронимы, возможно восходящие к праиндоевропейской общности: Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч. Т. II. С. 859 сл. В настоящее время можно отметить такие существенные топонимы, засвидетельствованные в архивах Эблы, как часто в них встречающееся название города ha-zu-wa-an^{K1} (графический вариант ha-su-wa-an^{K1}: TM. 75. G. 20526). См. Фрондзароли П. Проблемы

состоянии и применялось в основном для целей хозяйственного учета ¹⁰². В дальнейшем предполагаемая древняя индоевропейская топонимика постепенно стиралась из-за наслоения на нее иноязычного этнолингвистического субстрата и в письменных традициях Ближнего Востока стала фиксироваться более поздняя топонимика.

Таким образом, блестящая гипотеза Хеннинга, предложившего идентификацию гутиев с тохарами, прекрасно вписывается в общую картину древнего распространения и разделения ранних индоевропейских диалектов в пределах Передней Азии и территории миграций носителей этих диалектов в исторические места их расселения на евразийском континенте.

THE FIRST INDO—EUROPEANS IN HISTORY: ANCESTORS OF THE TOKHARIANS IN ANCIENT NEAR EAST

T. V. Gamkrelidze, Viach. Vs. Ivanov

The paper develops W. B. Henning's idea about identifying 'proto-Tokharians' with the *guti* and *tukri* peoples mentioned in cuneiform sources and identified with the names of the Tokharian tribes and languages Kuci (Tokharians in Tokharian texts proper), *tuyri* in Indian, Persian, Sogdian and Greek sources, and *toyar* in old Turkic texts. Adoption

эблаитской фонетики // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). АМ., 1985. С. 145), которое признается центром, более близким к эблаитской зоне, и в таком случае сравним с ^{URU}Ha-as-su-wa-as / haššuw-as хеттских источников (вероятная локализация — район Евфрата, к северу от Кархеминша); см. Фрондзароли П. Царское судебное решение из архивов Эблы // Там же. С. 248. Древнехеттское ^{URU}haššuw-a- этимологизируется на основе хет. haššu- 'царь' (ср. также название города в староассирийских табличках šalla-ḥšua из архаического словосложения 'великоцарский': хет. šalli- 'большой, великий', šalla-kard- 'великосердый' и т. п.), др.-инд. asu-ra- 'бог, дух, высшее существо': авест. ahu- 'господин' и т. п. Следовательно, лишено основания допущение, будто в топониме Эблы нет индоевропейских элементов (ср. Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания // Там же. С. 336). В регионе древнего Ближнего Востока и средиземноморского ареала обнаруживаются и географические названия и личные имена, содержащие корень *toyg-*, очевидно, индоевропейского происхождения, а также наименования (географические и личные) с суффиксами -l, -nt, -s(s), -šman, -uwa. Характерно, что на этом основании И. Гельб локализует протоиндоевропейцев в III тыс. до н. э. в пределах Передней Азии (см. Gelb J. A Contribution to the Proto-Indo-European Question // JKF. 1952/53. Bd II. S. 23—36).

¹⁰² Green M. W. The construction and implementation of the cuneiform Writing system // Visible language. 1981. V. XV. № 4 (Special issue: Aspects of cuneiform writing). P. 345—372; Schmandt-Besserat D. Before numerals // Visible language. 1984. V. XVIII. № 1. P. 48—60; eadem. How writing came about // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1982. Bd 47. S. 1—5; eadem. Decipherment of the earliest tablets // Science. 1981. V. 211. 16 January. P. 283—285; eadem. The emergence of recording // American Anthropologist. 1982. V. 84. № 4. P. 871—878; eadem. Tokens and counting // Biblical archaeologist. 1983. V. 46. P. 117—120; eadem. Reckoning before writing // Archaeology. 1979. V. 32. № 3. (May / June). P. 22—31; eadem. The earliest precursor of writing // Scientific American. 1976. 238. P. 50—59; eadem. The envelopes that bear the first writing // Technology and culture. 1980. 21. P. 371—374; eadem. An archaic recording system in the Uruk-Jemdet Nasr period // AJA. 1979. V. 83. P. 19—48; eadem. The earliest uses of clay in Anatolia // AS. 1977. V. 27. P. 133—150; eadem. The earliest uses of clay in Syria // Expedition. 1977. V. 19. P. 28—42; eadem. The beginnings of the use of clay in the Zagros // Expedition. 1974. № 12. P. 11—12. Ср. также о гипотезе Шманд-Бессерат: Le Brun A., Vallat F. L'origine de l'écriture à Suse // Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran. 1978. 8. P. 11—59; Lieberman S. J. On clay pebbles, hollow clay balls, and writings: a Sumerian view // AJA. 1980. V. 84. P. 339—358; Powell M. A. Three problems in the history of cuneiform writing: origins, direction of script, literacy // Visible language. 1981. V. XV. № 4. P. 419—440, особенно p. 423—424.

of this thesis presupposes that 'proto-Tokharians' were already living in the Near East in the 3rd millennium B. C., which is essential for substantiating the hypothesis of a Near Eastern homeland of Indo-Europeans. Additional arguments are adduced for identifying these pairs of words. The authors also cite linguistic evidence of Tokharian contacts with various language groups and families beginning from the 3rd millennium B. C., viz., proto-Anatolians, proto-Turks, and Ugro-Finns, which accords well with their conception of the migration routes of Indo-European dialects from their cradle. Contacts with proto-Anatolians were possible in areas close to Asia Minor. Tokharian tribes (seemingly dually organised and with two dialects differing from one another but retaining contact) began to migrate from there into Central Asia where these Tokharian languages have been recorded in independent texts of around the 5th to 8th centuries A. D. (The presence of early Tokharians in Central Asia is shown by many lexical affinities between their languages on the one hand and proto-Turkic and proto-Finno-Ugric ones on the other).

It seems important to the conception of a Near Eastern homeland of Indo-Europeans, developed by the authors, that the earliest documented Indo-European languages should be found in a definite area of the Near East. It is not excluded that traces of other ancient Indo-European tribes, not yet identified with assurance, existed in the Near East, which had not been adequately considered earlier in the literature. Identification of the *guti* and *tukri* as very early Tokharian-Indo-Europeans should change the existing view that there are no clear traces of Indo-Europeans in the ancient Near East.

